

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

ПЕЧАТЬ
для ОПАЛЬНОГО
ИНКВИЗИТОРА

18+

Алекс Серебров

**Печать для опального
инквизитора**

«Автор»

2026

Серебров А.

Печать для опального инквизитора / А. Серебров — «Автор»,
2026

Магические печати должны служить людям. Но кто-то научился превращать их в поводки. Аделина Морвей — мастер-размыкатель: она снимает опасные знаки с чужих тел, даже когда рискует собственным сердцем. Обычное на первый взгляд дело приводит её к заговору, который во время коронной церемонии может лишить свободы сотни людей. Единственный, кто способен помочь разобраться в запретной матрице, — Рейнар Восс. Опальный инквизитор, приговорённый к медленному окаменению, когда-то участвовал в опытах, искалечивших невинных. Он не просит прощения. Аделина не собирается забывать его вину. Но времени на недоверие почти не осталось. Им предстоит разгадать устройство чужой власти — и разобраться, что возникает между ними, когда никто не вправе решать за другого. Мрачное романтическое фэнтези с магическим расследованием, опасным союзом, медленным сближением и любовью, которая не отменяет ответственности.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алекс Серебров

Печать для опального инквизитора

Глава 1

Хуже всего были глаза.

Они жили отдельной, отчаянной жизнью на абсолютно неподвижном лице. В них плескался серый, мутный ужас человека, который всё слышит, всё понимает, но уже четыре часа не может сделать вдох глубже, чем на два дюйма.

Терен Фол стоял у высокого створчатого окна своей гостиной, вперившись взглядом в мокрые крыши Колокольного квартала. Рассвет едва пробивался сквозь холодную морось, окрашивая лепнину на потолке в цвет лежалого гипса. На Фоле была чистая утренняя рубашка из плотного полотна, домашние туфли с медными пряжками и шерстяной жилет. Правая рука замерла на полпути к подоконнику, словно он собирался опереться о дерево, но так и не донес ладонь на четверть вершка.

— Он даже не моргнул, когда вы вошли, — всхлипнула женщина позади меня.

Мира Фол кусала губы до крови, комкая в кулаках подол передника. Она пахла валериановыми каплями, холодным потом и пригоревшей овсянкой, которую бросила на плите, когда поняла, что муж не отзывается на зов к завтраку.

— Он моргает, госпожа Фол, — не оборачиваясь, спокойно отозвалась я. — Но очень редко. Примерно раз в две минуты, когда пересыхает роговица. Ровно настолько, чтобы не ослепнуть.

Я подошла ближе, стараясь ступать мягко. Подошвы моих рабочих сапог глухо скрипнули по натертому паркету. В комнате стояла та особенная, вязкая тишина, какая бывает только в домах, куда без стука вошла беда: тикали напольные часы в углу, за тонкой перегородкой надсадно сипел закипающий чайник, а у двери переминались двое городских стражников в бряцающих кольчужных хауберках.

— Сера, чемодан на стол. Медную пластину под ноги пациенту. Раствор номер три и льняные полосы, — негромко скомандовала я.

Моя ученица не тратила времени на кивки. Ей было едва девятнадцать, но руки у нее не дрожали: глухой шелчок латунных замков дорожного саквояжа Палаты Размыкателей прозвучал сухо и деловито. Сера мгновенно расстелила на полированной столешнице вощеную ткань, достала серебряные щупы, стеклянные флаконы с притертыми пробками и тяжелый диск заземления из красной меди, оплетенный шнуром из шелка и конского волоса.

Один из стражников — одутловатый капрал с красным от сырости носом — выступил вперед, придерживая ножны широкого палаша.

— Мастер Морвей, старший дознаватель велел передать: печать уничтожать нельзя. Это государственная улика. Если чиновник казначейства стал жертвой умышленного воздействия, Орден потребует полного оттиска.

Я медленно повернула к нему голову.

— Капрал, если я оставляю этот контур на теле господина Фола еще на двадцать минут, оттиск вам придется снимать в прозекторской. Грудные мышцы уже сводит спазмом. Дыхательный просвет сужается с каждым третьим циклом. Вы берете на себя приказ остановить помощь?

Капрал сглотнул, взглянул на остекленевший профиль чиновника и отступил на полшага назад, к дверному косяку.

— Я просто напоминаю протокол, мастер. Орден Королевской Печати не любит самоуправства Размыкателей.

— Орден может прислать жалобу в Палату. В трех экземплярах, на гербовой бумаге, — отрезала я и расстегнула пуговицы на манжетах своего темного суконного жакета.

Служебная куртка мастера была сшита на заказ: рукава распахивались до самых локтей по внутреннему шву, держась на мелких роговых пуговицах. Это позволяло обнажить предплечья за три секунды, не снимая плотной шерсти, защищавшей спину от сквозняков.

Я подошла к Терену вплотную. Мужчина был крупным, с широкой шеей чиновника, привыкшего к сытным обедам и мягким креслам, но сейчас его жилы натянулись так, что сквозь кожу проступали синюшные тяжи вен. В воздухе вокруг его воротника стоял слабый, едва различимый металлический душок — запах перегретой меди и сухой озонной пыли.

— Господин Фол, — сказала я, глядя прямо в его неподвижные зрачки. Они сузились, отреагировав на мой голос. — Меня зовут Аделина Морвей. Я старший мастер Палаты Размыкателей. Сейчас я расстегну ваш ворот. Вам покажется, что горло обожгло ледяной водой. Это нормально. Не пытайтесь вдохнуть глубже, чем позволяет тело. Вы меня слышите?

Зрачки дрогнули вниз и вверх. Едва заметный, отчаянный микрожест согласия.

Мои пальцы коснулись пуговиц его рубашки. Ткань на воротах взмокла от пота. Я отогнула воротник влево, обнажая основание шеи и ключицу.

Сера, стоявшая за моим правым плечом с медным подносом, шумно втянула воздух сквозь зубы.

— Мастер...

— Вижу, — глухо отозвалась я.

На коже, чуть выше яремной впадины, чернел витиеватый сложный знак размером с серебряную крону.

Любая законная служебная печать Лаэрна — будь то знак стража, податного чиновника или архивариуса — имеет четкую, строгую структуру. Она похожа на аккуратную гравировку: три или четыре открытых контура, ясный ведомственный узел и обязательный разрыв в нижней дуге, так называемое «дыхательное окно», через которое воля носителя соединяется со служебными полномочиями. Законный знак никогда не запирает моторику целиком; он лишь удостоверяет право подписи или открывает зачарованные засовы городских ворот.

То, что лежало на ключице Фола, не имело ничего общего с законом.

Узора было не четыре и даже не пять слоев. Тончайшие, иссиня-черные линии расходились под кожей, словно корешки проросшего в плоть сорняка, оплетая сонные артерии и спускаясь по ходу блуждающего нерва к груди. Они не сияли. Они пульсировали вязким, матовым мраком, вытягивая из тела тепло. Шесть внешних колец образовывали глухую круговую клетку, а в самом центре, под толщей налитой кровью кожи, угадывался седьмой слой — чудовищный, стянутый намертво узел без единого зазора для свободного движения.

Знак подчинения.

Мое сердце сжалось, коротко и неприятно сбившись с ритма. Знакомый тупой укол под ребрами — эхо старой аритмии от былых тяжелых снятий — заставил меня на мгновение задержать дыхание. Я выдохнула через нос, возвращая самообладание. Этого знака не могло быть здесь. Двадцать лет назад, еще до того, как я вошла в Палату ученицей, Орден Королевской Печати объявил об окончательном и полном уничтожении формул моторного перехвата. В учебниках Академии этот тип плетения упоминался лишь в исторических обзорах с грифом государственного запрета. Считалось, что матрицы переплавлены, записи сожжены, а единственный человек, создавший контур обратного хода, пожизненно замурован в подземельях Чернокаменной крепости.

Но чернила под кожей чиновника были свежими. Им не было и двенадцати часов.

— Сдерите это! — вскрикнула Мира Фол, не выдержав вида темных прожилок. — Срежьте ножом! Я заплачу, у нас есть сбережения в купеческом банке, только уберите эту гадость!

— Если я коснусь знака лезвием, — ровным, безжалостно трезвым голосом произнесла я, — контур воспримет это как агрессивный разрыв цепи. Последнее кольцо замкнется на продолговатом мозге. Ваш муж умрет от паралича сердца раньше, чем упадет первая капля крови.

В комнате снова стало тихо. Даже чайник перестал свистеть, глухо булькая на остывающей конфорке.

— Печать нельзя стереть заклинанием или растворить кислотой, — обратилась я больше к Сере, чем к испуганной женщине. Ученица должна была понимать каждый мой шаг. — Живой контур паразитирует на нервной проводимости носителя. Единственный способ разорвать его, не убив человека, — создать второе основание. Более емкое, более податливое. Перетянуть силовую дугу на себя, замкнуть ее на меди и только потом погасить.

— Мастер Морвей, — тихо, сдавленно произнесла Сера, глядя на ширину черных линий на шее чиновника. — Здесь слишком высокая плотность плетения. Седьмой слой... выдержит ли ваша рука? Позвольте мне стать вторым основанием. Я моложе, у меня чистые каналы...

— Нет, — отрезала я так жестко, что девушка вздрогнула. — Твое тело разорвет на втором переходе. Ты не удержишь возвратную волну. Твоя задача — держать заземлитель и следить за моим пульсом. Если я скажу «соль» — плеснешь раствор на медный диск. Если скажу «разрыв» — сбиваешь контакт деревянной лопаткой. Никакого железа. Поняла?

— Поняла, — побелевшими губами отозвалась она.

Я закатала левый рукав до самого сгиба.

Моя кожа на предплечье была бледной, испещренной тонкими, серебристо-белыми нитями — памятью о десятках снятых порч, ядовитых клейм и родовых проклятий, которые я вытаскивала из чужих тел за девять лет службы старшим мастером. Каждое размыкание оставляло свой след. Тело Размыкателя — не волшебный сосуд, оно работает как громоотвод. Мы не уничтожаем чужую боль в никуда; мы пропускаем ее сквозь собственное мясо, рассеивая заряд по капле.

— Медную пластину под правую стопу господина Фола, — приказала я.

Сера ловко подсунула тяжелый диск под начищенный башмак чиновника. Второй конец шелкового провода с медной клеммой я зажала между безымянным пальцем и мизинцем собственной левой руки.

— Господин Фол. Смотрите мне в глаза. Что бы ни происходило — не закрывайте их. Мне нужна ваша зрительная фиксация, пока я не вскрыю наружный узел.

Зрачки мужчины расширились. Сквозь паралич лицевых мышц пробилась немая, звериная мольба.

Я набрала в грудь воздуха. Размяла пальцы правой руки — ведущей, диагностической, — и прижала указательный и средний к теплой, влажной коже у края черного рисунка на его шее.

Мир вокруг мгновенно сузился до двух дюймов чужой плоти.

Контур ударил в мои пальцы не жаром — мертвенным, сосущим холодом. Это было похоже на погружение руки в подвальную жижу, натянутую ледяной коркой. Я почувствовала, как чужая нервная система бьется в тисках навязанной воли: словно сотни тонких стальных игл прошили шейные позвонки чиновника, запрещая двигательным импульсам спускаться к плечам и ребрам.

Шесть внешних колец поддались сразу. Мой собственный дар — способность находить резонанс чужой магии и перестраивать ее полярность — мягко вошел в плетение. Я нащупала направляющую нить.

«Ты не принадлежишь этому телу, — мысленно, на выдохе скомандовала я знаку. — Твой путь — во мне».

Левую руку — принимающую — я положила на обнаженную шею Фола с другой стороны, замкнув кольцо.

Переход начался.

Это никогда не бывает красиво. Никаких сияющих всполохов, никакого эфирного света. Черный краситель под кожей чиновника вдруг потерял глянец, посерел, словно древесная зола, подхваченная ветром. Линии на его шее стали истончаться, бледнеть, вытягиваясь в сторону моих ладоней.

И в то же мгновение ледяной кнут хлестнул меня по левому запястью.

Боль была тупой, давящей, с привкусом медной стружки на языке. По внутренней стороне моего предплечья, прямо поверх старых белых шрамов, побежала смоляная, живая чернота. Она вгрызалась в поры, ввинчивалась под кожу, заставляя сухожилия натягиваться со звуком лопающихся струн.

— Мастер, дыхание! — крикнула Сера где-то на краю моего угасающего слуха.

В груди Терена Фола что-то хрустнуло — судорожный, спазматический вдох вырвался из его горла вместе с хриплым стоном. Его плечи дернулись. Первые пять колец сошли с него полностью, втянувшись в мою руку.

Оставался центр. Седьмой слой.

И вот тут всё пошло не так, как описывали старые академические трактаты.

Когда я потянула за корневой узел, знак не просто перетек по силовому градиенту. Он огрызнулся. В самой глубине плетения обнаружился скрытый тугой узел, словно печать держалась на двух крючках одновременно. Один отпустил плоть чиновника, но второй с чудовищной силой впился в мои собственные двигательные нервы.

Пальцы моей левой руки свело судорогой. Мизинец и безымянный подогнулись к ладони, одеревенев за долю секунды. Кожу словно прижгли раскаленным кузнечным клеймом.

«Держи заземление, держи, не вздумай разорвать до дуги», — приказала я себе, стискивая зубы так, что эмаль заскрипела.

В глазах потемнело. Под ребрами снова кольнуло — сердце пропустило удар, затем забило часто, панически, пытаясь протолкнуть кровь сквозь заблокированное предплечье. Это была цена. Я знала ее. Либо ты принимаешь удар целиком, либо оставляешь человека инвалидом с выжженным спинным мозгом.

— Соль! — прохрипела я сквозь сжатые челюсти.

Сера среагировала мгновенно: плеснула из бутылки на медный диск под ногами. Белый дымок с резким уксусным запахом ударил в ноздри. Заземляющий контур взвыл, забирая избыток сырой силы.

Черный след на шее Фола растаял, оставив лишь воспаленный, багровый контур на месте входа линий.

Чиновник покачнулся. Его колени подогнулись, и он с глухим стуком осел на паркет. Стражники и жена бросились к нему, подхватывая под руки, комната наполнилась всхлипами, суевой и тяжелым дыханием оживающего человека.

Я отступила на шаг и тяжело привалилась спиной к книжному шкафу.

Левая рука горела, словно ее окунули в кипящую смолу. От запястья до локтя протянулся безобразный, вздувшийся след перенесенной печати: шесть колец уже затухали, распадаясь на серые мертвые чешуйки под воздействием медного отвода, но центральный узел застыл прямо над лучевой костью. Он не исчез. Он превратился в плотный, безжизненный, угольно-черный рисунок — мертвый слепок чужой запретной магии.

Мои безымянный палец и мизинец не двигались. Они висели плетью, белые и совершенно холодные на ощупь. Крупная, неуправляемая дрожь колотила предплечье от локтя до самых кончиков ногтей.

Сера уже была рядом. Не говоря ни слова, она обернула мою руку холщовой полосой, пропитанной охлаждающим настоем ромашника и селитры. Холод притупил ожог, но тремор не унялся.

— Сколько пальцев? — тихо спросила она, не поднимая глаз от повязки.

— Два, — выдавила я, переводя дыхание. Горло пересохло. — Чувствительность вернется через пару часов, когда спадет спазм. Главное — ядро вышло целиком.

На полу у окна Терен Фол жадно, всхлипывая, пил воду из граненого стакана, который трясущимися руками подносила к его рту жена. Вода лилась ему на подбородок, на мятый воротник, но он не замечал. Он дышал. Он мог вертеть головой, мог сжимать пальцы в кулаки.

Я оттолкнулась от шкафа и подошла к нему, прижимая перевязанную руку к животу.

— Господин Фол.

Чиновник поднял на меня влажные, покрасневшие глаза. В них уже не было того парализующего ужаса — осталась лишь бездонная, унижительная слабость человека, которого на несколько часов превратили в деревянную куклу.

— Спасибо... мастер... Великие боги, я думал, я задохнусь там, стоя...

— Кто это сделал? — перебила я. Мой голос звучал сухо и резко, возможно, резче, чем следовало, но ноющая боль в руке не располагала к вежливости. — Вы помните нападавшего?

Фол судорожно сглотнул, прижимая ладонь к шее, где еще горела содранная кожа.

— Это было... около полуночи. Я возвращался из Главного казначейства через арку Архивов. Там темно... фонари погасли. Ко мне подошли сзади. Я даже шагов не слышал. Только рука... холодная, в тонкой кожаной перчатке. Она легла мне на шею вот сюда.

Он ткнул пальцем в ключицу.

— Вы видели его лицо?

— Нет! — Фол замотал головой с такой силой, словно боялся, что шея снова одеревенеет. — На нем был глубокий капюшон из темного дорожного сукна. Но он... он заговорил со мной. Голос был тихий, спокойный. Очень культурный голос, мастер. Как у судебных или преподавателей университета.

— Что он сказал?

Чиновник задрожал всем телом, вжимаясь в колени плачущей жены.

— Он сказал: «Стой у окна и жди. Не пытайся кричать. К полудню всё решится». А потом... потом он убрал руку, и я услышал звук.

— Какой звук? — насторожился капрал стражи, делая шаг ближе.

— Металлический щелчок, — прошептал Фол, глядя в пол. — Короткий, сухой щелчок, словно металл ударил о металл. На его указательном пальце был тяжелый перстень. Он стукнул им по пряжке своего плаща, повернулся и ушел. А я... я не смог даже повернуть голову, чтобы посмотреть ему вслед. Мои ноги сами пошли сюда. Я поднялся по лестнице, открыл дверь ключом, подошел к окну и замер. Я не мог закрыть глаза. Я не мог закричать, когда Мира проснулась и стала звать меня...

Я медленно опустила взгляд на свое перевязанное предплечье.

Приказ двигаться к окну. Приказ стоять и ждать. Не просто паралич — полное подчинение моторных функций живому слову при сохранении абсолютной ясности рассудка. Это была классическая формула Печати Безмолвного Подчинения. Та самая, чертежи которой должны были истлеть в прах два десятка лет назад.

Тот, кто наложил этот знак, не был безумным уличным чародеем или полуграмотным наемником. У него были чистейшие проводящие чернила, безупречная техника постановки и... цель. Зачем калибровать подчинение на рядовом чиновнике казначейства, заставляя его просто стоять у окна до полудня?

«К полудню всё решится».

Что именно должно решиться?

Внизу, на мостовой под окнами, слышался резкий, захлебывающийся перестук подкованных копыт по мокрому булыжнику. Затем хлопнула тяжелая дверца экипажа, раздались короткие командные выкрики, и парадная дверь дома гулко отозвалась на сильный удар.

Капрал стражи удивленно моргнул и выглянул на лестничную площадку.

Снизу донеслись тяжелые, чеканные шаги. Человек поднимался не бегом, но с той неумолимой, давящей скоростью, какая бывает только у людей, облеченных высшей военной властью. Через пять секунд в дверном проеме гостиной появилась фигура, при виде которой оба городских стражника мгновенно вытянулись в струнку, прижав кулаки к нагрудникам.

Капитан королевской гвардии Илва Рен.

Она была в глухом чешуйчатом панцире из черного железа поверх темно-зеленого мундира. Коротко стриженные темные волосы промокли от мороси, на жестких скулах блестели капли дождя, а тяжелая сабля в ножнах из вороненой стали висела у бедра так привычно, словно была частью ее скелета. Женщина пахла мокрой кожей, оружейным маслом и холодным ветром.

Ее цепкий, колющий взгляд мгновенно оценил диспозицию: дрожащий чиновник на полу, заплаканная жена, медная пластина на паркете, Сера с окровавленными полотенцами и я, привалившаяся к шкафу с замотанной левой рукой.

— Мастер Морвей, — голос капитана Рен был низким, сухим и абсолютно лишенным светских интонаций. — Вы закончили здесь?

— Пациент стабилизирован, — ответила я, выпрямляясь и превозмогая тупую боль в предплечье. — Контур снят. Мне нужно оформить протокол для Палаты Размыкателей и зафиксировать остаточный след...

— Протокол подождет, — перебила Илва. Она шагнула в комнату, и городские стражники невольно вжались в стены. — Ваша ученица останется здесь и закончит опись вместе с городской стражей. Вы едете со мной. Прямо сейчас.

Я нахмурилась, чувствуя, как под повязкой снова начинает пульсировать обожженная кожа.

— Капитан Рен, при всем уважении к вашему чину, я подчиняюсь главе Палаты Марте Эйр. У меня поражение двигательных нервов левой кисти. Мне необходимо вернуться в лабораторию, принять очищающий состав и...

Илва подошла ко мне вплотную. Она была на полголовы выше меня, жилистая, с холодными серыми глазами, в которых не читалось ни капли сомнения. Она наклонилась к самому моему уху, понизив голос так, чтобы ни стражники, ни чета Фол не услышали ни единого слова:

— В карете внизу есть лечебная аптечка королевского госпиталя, мастер Морвей. Вы выпьете свой состав по дороге. А теперь слушайте меня внимательно. Двенадцать минут назад во внутреннем покое королевского дворца была найдена леди Лиора. Племянница государя.

Холод, не имевший отношения к магии, медленно пополз по моему позвоночнику.

— Что с ней? — едва слышно спросила я.

Илва посмотрела на мокрое от пота пятно на шее Терена Фола, а затем перевела тяжелый взгляд на мою забинтованную руку.

— Она стоит посреди своей гардеробной. Она не может закрыть рот, не может повернуть голову и смотрит в одну точку с рассвета. А у нее на шее, прямо над ключицей, цветет точно такая же черная дрянь с семью кольцами.

Капитан выпрямилась и сделала шаг к выходу.

— Карета ждет, мастер Морвей. Если наследница погибнет от удушья, Орден сотрет в пыль и вашу Палату, и весь этот город. Шевелитесь.

Я потянулась здоровой правой рукой к вороту жакета, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу перед выходом на холодный дождь.

Пальцы левой руки всё еще висели неподвижно, не в силах даже придержать сукно. Мелкая, предательская дрожь сотрясала предплечье, а под повязкой, глубоко в тканях, тупо пульсировал мертвый след чужой печати.

Я не знала, кто вернул запрещенный знак к жизни. Но я точно знала одно: если королевская кровь заперта тем же самым седьмым узлом, мои пальцы должны ожить до того, как мы доедем до дворца. Иначе спасти будет некого.

Глава 2

Очищающий настой королевского госпиталя отдавал болотным илом и толченой чеме-рицей. Он обжигал пищевод едким спиртовым холодом, но уже через три глотка тупая пульсация в локтевом суставе начала угасать, сменяясь глубоким, гудящим онемением.

Я сидела на жестком бархатном сиденье кареты, уперев локоть здоровой правой руки в колено и осторожно массируя левую кисть. Пальцы отзывались неохотно. В подушечках мизинца и безымянного покалывало тысячами мелких ледяных игл — верный признак того, что нервные узлы медленно оживают после чужой тяги, но двигать ими свободно я всё еще не могла.

Напротив меня молча сидела капитан Илва Рен. Ее ладонь в толстой кожаной перчатке не покидала рукояти сабли. При каждом толчке кареты на выбоинах Верхнего города кольчужные кольца на ее плечах сухо позвякивали, отмеряя короткий путь к дворцу.

— Вы успели перехватить кого-то в гардеробной? — спросила я, закручивая медную крышку аптечного флакона.

— Горничную, — не поворачивая головы, отозвалась Илва. Она смотрела в узкую щель занавешенного окна. — Девчонка принесла утреннее платье, увидела госпожу посреди комнаты и заголосила на весь этаж. Сейчас она заперта в караульном помещении под присягой молчания. О случившемся знают четверо: я, дежурный офицер личной охраны, доверенный лекарь государя и сам король.

— Северин Кальд знает?

Илва впервые за поездку повернулась ко мне. Ее серые глаза, холодные и плоские, как полированная галька, сузились:

— Магистр Ордена не был извещен. Это личный приказ его величества. И я советую вам, мастер Морвей, держать язык за зубами, пока мы не войдем за внутренний контур.

Карета свернула под массивную каменную арку. За окном мелькнули серые мундиры гвардейцев первой сотни — элитного полка, подчинявшегося напрямую короне, в обход орденского надзора. Мы проехали мимо парадного парапета и свернули к глухому Садовому крылу, куда обычно доставляли частных поставщиков и тайных курьеров.

Когда экипаж замер, Илва распахнула дверцу и первой ступила на мокрую базальтовую брусчатку. Дождь почти стих, оставив после себя плотный, пахнущий печной гарью туман.

— Капюшон накиньте, — бросила она мне через плечо. — Стены здесь глухие, но у лепнины на галереях слишком много ушей.

Я натянула темную ткань дорожного плаща, скрывая лицо и перевязанную руку, и шагнула за ней по узкой винтовой лестнице вглубь дворцового покоя.

Здесь не пахло парадными духами, воском и пудрой, которыми дышали парадные залы Лаэрна. В личных покоях королевской фамилии пахло сухим каминным пеплом, старыми книгами и едва уловимым сквозняком из вентиляционных шахт. Мы миновали два пустых караульных поста. Железные решетки были подняты, но у каждой стояло по молчаливому гвардейцу с обнаженными кордегардиями в руках.

Илва толкнула тяжелую дубовую дверь, обитую зеленым сукном, и мы вошли в малую гардеробную леди Лиоры.

Комната была просторной, заваленной резной мебелью светлого ясеня, ростовыми зеркалами в позолоченных рамах и раскрытыми дорожными сундуками. У изразцовой печи застыл пожилой человек в темно-синей мантии королевского коллегиума врачей. Его руки в тонких шелковых перчатках дрожали, перебирая склянки на серебряном столике.

А посреди ковра стояла девушка.

Леди Лиоре было не больше двадцати двух. На ней был домашний пеньюар из тяжелого кремового шелка, расшитый золотыми стрекозами. Длинные темно-русые волосы падали на одно плечо, примятые после ночного сна.

Она стояла неестественно прямо, запрокинув подбородок чуть выше, чем требовали правила этикета. Ее губы были приоткрыты, уголок рта чуть подрагивал от непрекращающегося спазма, а в широко распахнутых карих глазах застыло то же самое безнадежное, тонущее выражение, которое я всего полчаса назад видела у Терена Фола.

Разница была лишь в одном: чиновник казначейства стоял, опустив руки вдоль тела. Лиора же замерла в позе покорного служения — ее правая ладонь была раскрыта и поднята на уровень груди, словно она готовилась принести присягу или принять в ладонь тяжелый предмет.

— Она не двигается с четырех утра, — раздался из темного угла низкий, усталый голос.

Я вздрогнула и только сейчас заметила фигуру в глубоком кресле у незажженного камина.

Король Алден сидел, положив локти на колени. На нем не было ни парадной цепи, ни короны — лишь простой домашний камзол из черного бархата с затертыми серебряными пуговицами. Его лицо казалось серым от бессонницы, глубокие складки вокруг рта обозначились резче, а пальцы сжимали костяную трость с такой силой, что побелели костяшки.

— Ваше величество, — я склонила голову ровно настолько, насколько требовал устав Палаты при исполнении неотложного врачебного долга.

— Оставьте церемонии, мастер, — глухо отозвался государь. Он не поднялся с кресла, но его взгляд впился в мой дорожный мешок с серебряными шупами. — Лекарь Эш утверждает, что это апоплексический удар редкого типа. Но лекарь Эш не может объяснить, почему у племянницы короля вторые сутки под кожей горит чужая магия.

— Потому что это не апоплексия, сир, — сказала я, сбрасывая плащ на спинку дивана.

Пожилый врач у столика оскорбленно вскинул седую голову:

— Мастер Морвей! Вы позволяете себе ставить под сомнение вердикт королевского коллегiums до проведения аускультации? Я наблюдал леди Лиору с детских лет...

— И за все эти годы вы ни разу не видели, чтобы апоплексия сопровождалась озонным распадом воздуха вокруг сонной артерии, господин Эш, — холодно парировала я, подходя к девушке.

Я заставила себя двигаться медленно. Лиора не могла моргнуть в ответ на мое приближение — ее дыхание было частым, неглубоким, похожим на шелест сухого тростника.

— Ваше высочество, — произнесла я, опускаясь на одно колено прямо перед ней, чтобы поймать ее взгляд. — Меня зовут Аделина Морвей. Я из Палаты Размыкателей. Я не причиню вам вреда. Если вы слышите меня — моргните один раз.

Нижние веки девушки дрогнули. Затем ресницы медленно опустились и поднялись. Один четкий, выверенный сигнал.

— Хорошо, — выдохнула я. — Сейчас я коснусь вашей шеи. Будет холодно.

Я осторожно отвела в сторону плотную прядь ее волос. Ткань пеньюара была расстегнута у горла — очевидно, лекарь пытался ослабить давление на дыхательные пути.

На нежной, алебастровой коже Лиоры, прямо над левой ключицей, темнел узор.

Мой взгляд скользнул по линиям, и внутри всё сжалось в тугую, ледяную ком.

Это была та же рука. Тот же почерк. Но если на чиновнике Фоле контур выглядел грубым, торопливым наброском, то здесь работали с ювелирной, чудовищной тщательностью.

Черные линии не просто оплетали яремную вену — они уходили глубоко в подкожную клетчатку, вплетаясь в естественные узлы проводимости, присущие людям правящего дома. Шесть внешних колец были выписаны тончайшими, едва заметными штрихами, но их плот-

ность заставляла воздух вокруг шеи Лиоры мерцать едва заметным сизым маревом. А в центре, над костью, пульсировал седьмой слой.

И он был втрое массивнее, чем у Фола.

Я поднесла кончики пальцев здоровой правой руки к краю внешнего кольца, не касаясь плоти. Тепловая волна, исходившая от знака, была обманчивой: контур буквально высасывал тепло из окружающих тканей, оставляя кожу Лиоры ледяной на ощупь.

— Ее высочество принимала вчера кого-то из младших чиновников? — спросила я, не оборачиваясь к королю.

— Вчера был прием по случаю утверждения списков Единой присяги, — ответил Алден. Его голос звучал ровно, но в нем пробивалась опасная, давящая сталь. — Двести дворян и шестьдесят глав гильдий. Лиора стояла рядом со мной у помоста. К ней подходили сотни людей, чтобы принести поздравления.

— Кто прикасался к ее шее?

В комнате повисла тишина. Лиора снова заморгала — дважды, коротко и отчаянно.

— Никто, — вмешался лекарь Эш. — К члену королевской фамилии нельзя прикасаться без прямого разрешения протокола! Это государственное преступление!

— Преступление уже совершено, — я осторожно коснулась подушечками пальцев височной артерии девушки, считая удары. Сто сорок в минуту. Сердце работало на пределе, пытаюсь протолкнуть кровь через зажатые сосуды шеи. — Ваше величество, это Печать Безмолвного Подчинения. Седьмой ранг.

Лекарь Эш побледнел так, что стал похож на собственный гипсовый бюст в углу:

— Это... это невозможно. Этот тип плетения был признан ересью и уничтожен двадцать лет назад. Все матрицы...

— Матрицы, возможно, и уничтожили, — перебила я. — Но рецептуру чернил кто-то восстановил. И этот кто-то знает анатомию королевской крови лучше, чем большинство выпускников Академии. Знак посажен прямо на династический резонанс. Он использует статус ее высочества как усилитель. Если я попытаюсь снять его по обычной схеме — через одичный перенос, — нагрузка убьет либо ее, либо меня.

Король Алден тяжело поднялся с кресла. Он опирался на трость, но его осанка оставалась властной, закаленной десятилетиями правления в стране, едва оправившейся от гражданской смуты.

— Срежьте его, — произнес он тем же тоном, каким отдавал приказы о казни на городских площадях. — Эш, приготовь прижигающие соли. Если нужно вырезать лоскут кожи вместе с мясом — режьте. Мы объявим, что на нее напали с кинжалом. Шрам скроет парчовый воротник. Но через двенадцать дней она должна стоять на помосте Зала Семи Врат. Без этого корона не сможет подтвердить Единую присягу трех сотен чиновников.

— Нет, сир, — твердо сказала я и поднялась на ноги, заслоня собой Лиору.

Илва Рен едва заметно шевельнулась у двери, но осталась на месте.

— Вы смеее отказывать своему государю, мастер Морвей? — в голосе Алдена не было ярости, в нем было нечто куда более страшное — абсолютная, безжалостная решимость человека, загнанного в угол.

— Я говорю на языке фактов, ваше величество, — я выставила вперед левую руку и резким движением сдернула холщовую полосу.

Белая льняная ткань упала на пол.

Кожа на моем предплечье была покрыта багровыми, воспаленными полосами ожога. Прямо над лучевой костью чернел четкий, геометрически безупречный след седьмого узла, который я сняла с Фола. Он не исчез. Он застыл на моем теле мертвым, несмываемым клеймом, стягивая жилы и заставляя два пальца висеть без движения.

Король замер. Его взгляд упал на мою руку, затем метнулся к шее племянницы.

— Это я сняла с чиновника казначейства сорок минут назад, — негромко произнесла я. — Он выжил только потому, что печать была низшего ранга, а я отдала за его спасение треть проводимости своей левой руки. Если вы прикоснетесь к шее леди Лиоры скальпелем или прижигающей солью, контур схлопнется. Седьмой слой замкнет импульс на мозговой ствол. Вы получите не девушку со шрамом на ключице, государь. Вы получите труп королевской крови через шесть ударов пульса.

— Тогда снимайте его сами! — сорвался лекарь Эш, брызжа слюной. — Вы Размыкатель высшей категории! Ваша Палата содержится за счет казны именно для таких случаев!

— Моя Палата спасает жизни, а не совершает ритуальные самоубийства по приказу двора, — отрезала я, глядя прямо в глаза королю. — У меня уже заблокирована левая кисть. Чтобы принять на себя королевский контур, мне нужно второе основание невиданной емкости. Нужен человек, который знает изнанку этого плетения. Не теоретик из Академии, который читал о запрещенных знаках в зацензуренных хрониках, а практик. Создатель.

Слова повисли в сухом воздухе гардеробной, тяжелые, как чугунные ядра.

Тишина стала настолько плотной, что было слышно, как за окном с карниза срываются редкие капли дождя.

Алден медленно опустил взгляд на полированную головку своей трости. Его губы сжались в тонкую, побелевшую нить.

— Создатель гниет на сорока локтях под землей уже десять лет, мастер Морвей, — очень тихо произнес он. — Он лишен имени, сана и права голоса. Государство официально признало его безумцем и преступником.

— Значит, государству придется вспомнить его имя, — ответила я. — Потому что никто другой в этом городе не знает, как разомкнуть седьмой слой, не превратив сердце носителя в кусок остывшего мяса.

— Северин Кальд... — начал было лекарь.

— Северин Кальд возглавляет Орден, который пропустил появление этой дряни во дворце, — перебила я. Мой голос звучал хлестко, без малейшего почтения к высоким титулам. — И если магистр узнает, что на племяннице короля лежит печать, созданная по чертежам его злейшего врага, он заблокирует дворец, объявит карантин и возьмет власть в свои руки до выяснения обстоятельств. Вы этого хотите, государь? Отдать город Ордену за двенадцать дней до Присяги?

Король Алден молчал долго. Он смотрел на Лиору — на ее застывшее, фарфоровое лицо, на отчаянную мольбу в глазах девушки, которая не могла даже закричать от ужаса.

Затем он медленно повернулся к Илве Рен.

— Капитан.

Илва вытянулась по струнке, ударив кулаком в нагрудник:

— Слушаю, государь.

Король полез во внутренний карман камзола и извлек тяжелый, тускло блеснувший предмет. Это была массивная железная плашка на толстой цепи, разделенная пополам глубоким пазом, внутри которого прятался сложный двойной замок с королевской печатью из темного сургуча.

Двойной ключ от нижнего горизонта Чернокаменной крепости.

— Возьмете крытую карету без опознавательных знаков, — произнес Алден. Каждое слово давалось ему с трудом, словно он выламывал куски из собственного государственного достоинства. — Четыре человека из первой сотни. Тех, чьи семьи живут в моем личном поместье. Никаких докладов коменданту. Вы спуститесь на нулевой уровень и выведете его.

Илва приняла ключ обеими руками, опустив голову:

— Официальное основание, ваше величество?

— Тайное дознание по особому указу короны, — глухо бросил король. — Если комендант станет задавать вопросы — покажете этот жетон. Если попытается отправить вестника в Орден... перережьте канаты почтовых клетей.

Капитан коротко кивнула и спрятала ключ под панцирь.

Алден снова повернулся ко мне. Его взгляд был тяжелым, давящим, полным невысказанной угрозы:

— Вы поедете с ней, мастер Морвей. Вы сами осмотрите этого человека. Если за десять лет заключения его рассудок угас и он больше не способен держать инструмент — вы скажете мне об этом прямо. И мы найдем другой способ спасти Лиору, даже если мне придется сжечь половину архивов Ордена.

— Я поняла вас, ваше величество, — сказала я.

Я подошла к Лиоре еще раз. Ее пальцы были холодными, как речной лед. Я осторожно взяла ее неподвижную ладонь в свою, сжала слабыми, но живыми пальцами:

— Держитесь, ваше высочество. Дышите мелко, считайте про себя удары сердца. Мы вернемся до заката.

Лиора моргнула один раз. Медленно. С бесконечной, цепляющейся за надежду тяжестью.

Мы вышли из гардеробной тем же путем. Лекарь Эш остался у постели девушки, суетливо расставляя склянки с бесполезными каплями, а за нашими спинами тяжело щелкнул массивный засов, отрезая королевскую тайну от остального мира.

На лестнице Илва не проронила ни слова, пока мы не спустились в сырой двор, где нас уже ждал другой экипаж — тяжелый, обитый толстыми листами кованого железа, с глухими шторками на крошечных бойницах вместо окон. Четверо гвардейцев в глухих шлемах без плюмажей уже держали под уздцы вороных коней.

Илва распахнула железную дверцу и жестом велела мне садиться.

— Вы понимаете, во что вы нас втянули, мастер Морвей? — негромко спросила она, когда карета тронулась, выезжая через потайные западные ворота в сторону реки.

Я прислонилась затылком к холодной обшивке, чувствуя, как под повязкой на руке снова начинает пробиваться ноющая, горячая боль. Черный след от первого снятия никуда не делся — он пульсировал, словно предупреждая меня о том, что ждет впереди.

— Я втянула нас в единственный шанс не дать этой девушке умереть от удушья, капитан, — устало отозвалась я. — А вот кто втянул в это королевство — нам еще предстоит узнать.

— Рейнар Восс — не спаситель, — жестко произнесла Илва, глядя в темноту перед собой. — Он чудовище, Аделина. Десять лет назад он проводил опыты над живыми людьми прямо в подвалах Ордена, вскрывая их нервные узлы, как мясник туши на бойне. Я присутствовала на его закрытом трибунале. Он не просил пощады. Он стоял и смотрел на судей так, словно они были букашками под увеличительным стеклом.

— Я знаю историю процессов, капитан, — спокойно сказала я, глядя на свои покалеченные пальцы. — Но прямо сейчас на шее наследницы распускается цветок, семена которого посадил именно он. И если он мясник — мне придется встать рядом с ним у стола.

Карета набрала ход, громохкая железом по скользким мостовым Нижнего города. Мы спускались к реке, туда, где над свинцовой водой поднимались черные, лишённые окон башни Чернокаменной крепости — места, откуда живыми не возвращались.

Глава 3

Под руслом реки времени не существовало.

Здесь не было ни колокольного звона, отмерявшего часы службы, ни тусклого дневного света, пробивавшегося сквозь щели столичных крыш. Были только сорок локтей слежавшегося черного базальта над головой, монотонный, сводящий с ума перестук капель, сочащихся сквозь известковые швы, и холод — плотный, маслянистый, пахнувший застойным речным илом и сырой солью.

Я шла за факелом гвардейца, глядя под ноги. Ступени винтового спуска были вырублены прямо в породе: крутые, скользкие от испарины, стертые тысячами ног за два столетия существования Чернокаменной крепости.

Левая рука под рукавом жакета была наглухо перебинтована свежим льном. Короткий трехчасовой сон в караулке Садового крыла дворца вернул мне способность сжимать пальцы, но кисть оставалась чужой, словно вырезанной из сухого дерева. Мертвый след снятого знака не жег, как на рассвете, а ныл глубокой, костной болью. Он остыл, потерял ядовитую силу, но застыл под кожей несмываемой черной паутиной — напоминанием о том, что бывает, когда берешь удар на себя.

Впереди глухо бряцал железный чешуйчатый доспех капитана Рен.

Илва шла молча, держа правую руку на рукояти сабли. За нами неотступно следовали двое молчаливых бойцов первой сотни с заряженными арбалетами на локтевом сгибе. Ни комендант крепости, ни дежурные досмотрщики не задали нам ни единого вопроса: королевская плашка с расколотым гербом, предъявленная у верхних решеток, обладала весом абсолютного приговора. Нас пропустили через три кордона, не заглядывая под капюшоны.

На нулевом горизонте коридор сузился настолько, что плечи гвардейцев задевали влажные стены. Здесь не держали обычных каторжников, убийц или бунтовщиков. Здесь держали тех, чьи имена было приказано забыть, но чьи знания государство боялось отпустить в землю.

Единственная дверь в конце тупика была сплошным листом кованого чугуна, вмурованным в гранитную арку. На ней не было замочной скважины в привычном смысле — лишь круглая медная пластина в центре, изрезанная концентрическими кругами запирающих рун.

Илва достала из-под нагрудника королевский двойной ключ, вложила его в центральный паз и с усилием провернула на два полных оборота.

В глубине камня глухо, с протяжным лязгом провернулись тяжелые ригели. Петли взвизгнули, осыпая ржавчину, и тяжелая плита подалась вперед, выдохнув нам в лицо застоявшийся воздух темницы: горький, ледяной, пахнувший прелой соломой и старым железом.

— Стоять на пороге, — вполголоса бросила капитан гвардейцам. — Луки на взвод. Если шевельнется без приказа — стрелять по бедрам.

Гвардеец поднял факел выше, и желтый, коптящий свет хлынул в камеру.

Каменный мешок был крошечным — четыре шага от стены до стены. Ни стола, ни стула. Только топчан из почерневших дубовых досок у дальней стены, сложенная вчетверо дерюга и глиняный кувшин для воды.

Человек не спал.

Он сидел на краю топчана, опустив босые ступни на ледяной каменный пол. При появлении света он не закрыл лицо руками и не отшатнулся — лишь медленно, с тягучей, экономной осторожностью прикрыв веки до узких щелей, давая зрачкам привыкнуть к огню.

Рейнар Восс.

Десять лет в могиле без солнца изменили его, но не стерли. Он был высок — даже сидя было видно, какой у него широкий, костистый размах плеч, хотя тюремная холщовая рубаша висела на нем мешком, обнажая ключицы и острые ребра. Темные волосы, перехваченные на

затылке полоской кожи, почти полностью посеребрились на висках. Лицо казалось высеченным из того же серого сланца, что и стены его камеры: глубокие тени впалых щек, жесткая складка упрямого рта, обветренная, шершавая кожа.

На его запястьях темнели глубокие, багрово-сизые борозды — следы старых гасящих браслетов, которыми сковывали мастеров высшего ранга во время суда.

— Восс, — сухо произнесла Илва, не переступая порога. — Встать. Руки на колени.

Заключенный не шелохнулся. Его серые, полинялые от вечной темноты глаза медленно скользнули по взведенным арбалетам, задержались на железном панцире капитана и, наконец, остановились на мне.

В этом взгляде не было ни страха, ни унижения сломленного арестанта. Там была тяжелая, ледяная наблюдательность исследователя. Он смотрел так, словно сквозь мою одежду видел ход артерий, дыхание и плотность костей.

— Капитан Рен, — его голос прозвучал низко, с хрипотцой человека, который не произносил больше десяти слов в месяц. — Вы пришли без палача. Значит, Орден еще не нашел способ вскрыть нижний свод без моего участия.

— Орден сюда не звали, — отрезала Илва. — Подними рубаху. Живо.

Восс едва заметно усмехнулся — одним уголком сухого рта, без тени веселья. Медленно, контролируя каждый мускул исхудавшего тела, он поднялся на ноги. Он был выше меня на целую голову. В его движениях не было резкости; каждое усилие давалось ему с видимой ценой, но он держал спину прямо, с той неудобной, раздражающей выправкой бывшего инквизитора, которую не смогли выбить десять лет заключения.

Двумя пальцами правой руки он потянул ворот холщовой рубахи вниз, обнажая грудь. Я невольно сделала полшага вперед.

Прямо над мечевидным отростком, захватывая нижнюю треть грудины и уходя влево, к реберным дугам, лежала печать.

Это не был рисунок краской или чернилами. Это была сама плоть, обращенная в камень. Матово-серый, шероховатый минеральный пласт толщиной в палец врос в живые ткани, спаявшись с кожей и фасциями. От него, словно тонкие трещины на фарфоре, во все стороны расходились пепельные жилы, оплетая межреберные промежутки. Примерно шестая часть площади груди вокруг сердца была мертва, превращена в неподвижный базальт.

Каменный приговор.

Илва шагнула вперед, держа в руке тонкий серебряный шуп с засечками. Не глядя заключенному в лицо, она прижала острие к краю каменного нароста у левого ребра, отмерила расстояние по шкале и сухо кивнула сама себе:

— Семнадцать сотых доли. Без изменений с прошлого полугодия.

Она убрала шуп и снова положила ладонь на эфес.

— Для тех, кто забыл уставы Академии, напоминаю, — бросила капитан, косясь на меня. — Если заключенный Восс попытается применить силу, направить разрушительный импульс или сознательно причинить телесный вред любому живому существу, контур распознает намерение до удара. Порода сделает шаг внутрь. Полтора дюйма породы в сердечную мышцу — и мы вынесем отсюда окаменевший кусок мяса.

Восс спокойно оправил ворот рубахи, прикрывая клеймо. Его пальцы, длинные, с разбитыми суставами, не дрожали.

— Капитан забыла добавить, мастер Морвей, — негромко произнес он, глядя мне прямо в переносицу. — Порода делает шаг не только от удара кулаком. Достаточно неверного движения при переносе чужого заряда. Достаточно позволить чужому сердцу остановиться у меня на руках. Поэтому ваше присутствие здесь — либо ошибка королевской канцелярии, либо жест отчаяния.

— Вы знаете, кто я? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Темно-зеленое сукно рабочего жакета. Распашные рукава на роговых пуговицах. Запах медного купороса и очищающей ромашковой соли. Палата Размыкателей держит только одного старшего мастера с такой шириной плеч и такой привычкой прятать покалеченную левую кисть за полу плаща. Вас зовут Аделина Морвей.

Его пронизательность была почти оскорбительной, но в ней не было хвастовства — лишь констатация фактов, сухая раскладка улик на лабораторном столе.

— Нам нужны ваши руки, Восс, — сказала я, сокращая дистанцию еще на полшага. — И ваша память.

— Моя память принадлежит государственному трибуналу, — отозвался он. — А руки принадлежат каменщикам, которые замуровали этот люк. Если королю понадобилось размыкание, у него есть целый орден в белых мантиях. Северин Кальд прекрасно умеет ставить печати. Пусть научится их снимать.

— Северин Кальд не имеет отношения к этой миссии, — вмешалась Илва с угрозой в голосе. — Ты выходишь по прямому королевскому приказу. Закрой рот, надень кандалы и шагай к выходу.

Восс даже не повернул головы в сторону капитана. Его взгляд оставался прикован к моему лицу:

— Капитан Рен привыкла командовать шеренгами, мастер Морвей. Но вы Размыкатель. Вы знаете: чтобы снять живой контур, мало притащить тело к операционному столу на цепи. Нужно согласие нервных проводников. Вы не сможете использовать меня вслепую.

— Никто не собирается использовать вас вслепую, — твердо ответила я.

— Мастер! — предостерегающе рявкнула Илва. — Не вступайте с ним в торг. Он государственный преступник. Десять лет назад он резал живых людей в лабораториях Ордена, выкачивая проводимость спинного мозга ради своих чертежей!

Воздух в камере словно замерз еще на несколько градусов.

Я ждала, что Восс начнет оправдываться. Что он заговорит о придворных кознях, о том, что его оклеветали завистники или подставил совет. Большинство заключенных, с которыми мне приходилось сталкиваться, цеплялись за миф о собственной безвинности, как утопающие за гнилую доску.

Восс не шелухнулся. Черты его лица стали еще жестче, губы сжались в бледную полосу.

— Опыты были, — произнес он глухо, не отводя глаз. В его голосе не было вызова, но не было и мольбы о снисхождении. Только тяжелая, выжженная правда человека, который давно похоронил право на жалость. — Испытания проводились на осужденных каторжниках. Без их согласия. Трое потеряли речь, один — подвижность левой половины тела. Я подписал эти протоколы собственной рукой. И я отсидел за это десять лет под рекой. Я не просил пересматривать приговор тогда и не прошу сейчас.

Он сделал паузу, его дыхание вырывалось из груди с тихим, сухим шелестом.

— Но если вы пришли сюда посреди ночи, рискуя головами перед Орденом, значит, кто снова открыл мои формулы. И этот кто-то делает то, за что меня замуровали здесь заживо.

Я молча растегнула пуговицы на левом рукаве своего жакета.

Шерсть соскользнула, открывая предплечье. Я сняла льняную повязку и вытянула руку вперед, под коптящее пламя факела.

На моей бледной коже чернел сложный, застывший контур. Шесть разорванных, омертвевших дуг и плотный, геометрически правильный седьмой узел в самом центре, прямо над лучевой костью. Он больше не пульсировал силой, но его линии лежали в тканях глубоко и четко, словно выжженные каленым железом.

Восс замер.

Его полинялые серые глаза расширились. Он сделал шаг вперед — медленный, осторожный, словно боялся спугнуть видение. Арбалетчики синхронно подняли оружие, натянув

тетивы, но Рейнар даже не взглянул на них. Все его внимание, весь его хищный, сосредоточенный разум впился в рисунок на моей руке.

— Не прикасаться, — предупредила я, чувствуя, как внутри натягивается струна напряжения.

— Я не прикасаюсь, мастер Морвей, — очень тихо отозвался он. Его хриплый голос стал ниже, приобретя ту предельную сосредоточенность, какая бывает только у людей, вернувшихся к делу всей своей жизни. — Я смотрю.

Он наклонился ближе. Я почувствовала слабый запах его одежды — сухой пыли, старого полотна и едва уловимого холода, исходившего от серого нароста на его груди. Расстояние между его пальцами и моей кожей сократилось до двух вершков, но он не сделал ни единого лишнего движения. Его руки замерли в воздухе, абсолютно неподвижные, подчиненные железной дисциплине.

— Чиновник? — спросил он, не поднимая глаз.

— Казначейство, — ответила я. — Терен Фол. Найден на рассвете. Стоял у окна четыре часа без единого произвольного движения.

— И вы сняли это в одиночку?

— Сняла. Ценой проводимости двух пальцев на три часа и этого следа.

Рейнар медленно выпрямился. В его взгляде мелькнуло нечто, очень похожее на тяжелое, угрюмое уважение профессионала к чужому мастерству.

— Вы безумны, мастер Морвей. Седьмой ранг должен был сжечь ваши плечевые узлы при первой же обратной петле. Вы выжили только потому, что у вас поразительно чистое заземление и... очень широкие каналы проводимости. Редкий дар.

— Оставьте похвалы, Восс, — вмешалась Илва. — Что это за знак?

— Это мой Контур обратного хода, — ответил он ровно. — Та самая защитная схема, которую я разрабатывал двадцать два года назад для блокировки внешних воздействий. Основа моя. Чертеж мой. Геометрия первых пяти слоев скопирована с моих оригинальных матриц до мельчайшей связки.

Он снова опустил взгляд на мое запястье, и его брови сдвинулись к переносице:

— Но седьмой узел... Он вывернут. Внутренняя дуга разорвана и закольцована на внешний приемник. Защиту инвертировали, превратив ее в капкан подчинения. И штрих... посмотрите на окончание шестой линии.

Я нахмурилась, вглядываясь в черную полосу над своей веной.

— Заостренный срез с двойным обратным изломом, — произнес Восс. — Это не моя рука. Я всегда замыкал контуры полукругом, чтобы избежать микроразрывов сосудов. Так режет только одна школа в этом городе. Поздняя школа архивов Ордена. Характерный почерк Северина Кальда.

Слова упали в тишину камеры, словно куски льда.

— Вы обвиняете магистра Ордена в государственной измене? — прищурилась Илва.

— Я констатирую анатомию штриха, капитан, — холодно парировал Восс. — Обвинения — это ваша работа. Моя работа — понимать, как устроена магия. Северин взял мои наработки, вычистил из них элементы сброса и поставил во главу угла абсолютный перехват двигательного центра. Но по мертвому оттиску я не могу доказать его авторство. Мне нужен активный образец. Живой носитель.

— Он есть, — сказала я.

Рейнар медленно перевел взгляд на меня.

— Кто?

— Леди Лиора. Племянница государя. Знак нанесен прошлой ночью, прямо на династический резонанс. Она заперта посреди своей комнаты во дворце. У нас меньше двенадцати

дней до Единой присяги, но если мы не снимем печать в ближайшие сутки, спазмы шеи остановят ее дыхание.

В камере повисло тяжелое молчание. Восс смотрел на меня, и я видела, как в его глазах идет сложнейший расчет: риски, допуски, сопротивление материалов, политические последствия.

— Если знак сидит на королевской крови, — негромко произнес он, — одиночный перенос убьет вас, мастер Морвей. Вы не выдержите плотности потока. Ваше сердце просто разорвет при попытке вытянуть седьмой слой.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому я здесь.

— Король предлагает мне свободу? — в его голосе прозвучала сухая, горькая усмешка.

— Король предлагает вам выйти из этой ямы под моим надзором, — отрезала Илва. — Вы сделаете то, что прикажет мастер Морвей, спасете наследницу и вернетесь сюда. Если попытаетесь бежать или саботировать процедуру — Каменный приговор раздавит ваше сердце быстрее, чем вы успеете добежать до городских ворот.

Восс медленно повернулся к капитану гвардии. Его фигура в тусклом свете факела казалась устрашающе неподвижной.

— Нет, капитан. Так не пойдет.

Илва положила ладонь на эфес сабли, арбалетки шагнули ближе:

— Ты забываешься, колодник!

— Нет, это вы забываете, зачем пришли, — голос Восса оставался абсолютно спокойным, и от этого спокойствия становилось не по себе. — Мне плевать на королевское помилование. Десять лет в этой дыре отучили меня надеяться на милость двора. Но если Северин использует мои чертежи для захвата власти, я не стану марионеткой в ваших подковерных играх. Я соглашусь работать только на трех условиях.

— У тебя нет условий! — рявкнула Илва.

— Пусть говорит, — резко перебила я капитана, шагнув между ней и заключенным. — Говорите, Восс.

Рейнар посмотрел на меня, и в глубине его серых глаз блеснула искра холодного, расчетливого ума:

— Первое: полный доступ ко всем вещественным уликам, связанным с этим делом. Никаких закрытых дверей и недосказанных протоколов. Второе: право вести собственный журнал наблюдений и приобщить его к материалам дела. Когда всё закончится, мои записи должны лечь на стол открытого трибунала, а не исчезнуть в каминах тайной канцелярии. Корона должна зафиксировать, что именно было создано мной, а что — инвертировано Орденом.

— А третье? — спросила я.

— Третье касается вас лично, мастер Морвей. Вы руководите медицинской частью. Не капитан, не придворные лекари и не королевские советники. Ни один человек не прикоснется к контуру без вашего прямого приказа.

Илва скрипнула зубами:

— Это неслыханная наглость! Мы можем заставить тебя силой...

— Вы можете заставить меня умереть прямо здесь, капитан, — перебил ее Восс, и в его голосе впервые прорезалась опасная, глухая сталь. — Достаточно дернуть за цепь, контур среагирует на агрессию, и камень закроет мой сердечный клапан. И тогда вы пойдете во дворец и будете лично смотреть, как племянница короля задыхается в собственных шелках. Выбирайте.

Илва замерла. Ее скулы побелели от ярости, но она была солдатом и прекрасно умела считать шансы. Взгляд капитана метнулся ко мне, полный немого вопроса и тяжелого давления.

Ответственность лежала на мне. Если я соглашусь на его условия, я возьму чудовище за руку. Я поставлю на карту свою репутацию, свою службу в Палате и собственную жизнь. Но если я откажусь — Лиора умрет, а за ней рухнет и весь город.

— Я принимаю ваши условия, Восс, — произнесла я четко, глядя ему прямо в глаза. — Вы получите доступ к уликам. Вы будете вести свой журнал. И медицинской процедурой буду руководить только я. Но запомните: если вы хоть на полдюйма нарушите границы согласованного протокола — я лично сдерну заземление и позволю возвратному удару сжечь ваши проводящие каналы.

Восс смотрел на меня несколько долгих секунд. Затем его жесткие губы дрогнули в едва заметном кивке:

— Справедливо, мастер Морвей. Это язык профессионалов.

— Капитан, — я повернулась к Илве. — Снимайте настенные блокираторы. Нам нужно поднять его наверх, дать чистую одежду и сапоги. До рассвета второго дня остался час.

Илва тяжело выдохнула, словно проглотила раскаленный свинец, и сделала знак стражникам:

— Расковать настенные цепи. Надеть легкие служебные манжеты. Шаг влево или вправо — стрелять в упор.

Гвардейцы подошли к Воссу, щелкнули ключами в стенных кольцах. Он не сопротивлялся, покорно вытянув руки вперед, чтобы железо замкнулось вокруг его запястий.

Когда они вывели его из камеры в узкий проход, он на секунду задержался рядом со мной. Он был истощен, его била мелкая, едва уловимая дрожь от долгого холода и слабости, но его взгляд оставался ясным и пугающе глубоким.

— Вы должны понимать, на что идете, мастер Морвей, — негромко произнес он, глядя на мое перевязанное предплечье.

— Я иду спасать человека, — ответила я, застегивая пуговицы рукава.

— Лиору можно освободить, — сказал Рейнар, и его слова эхом отозвались от сырых базальтовых сводов коридора. — Но седьмой слой не сойдет на медную пластину. Чтобы удержать королевский резонанс и не дать сердцу девочки разорваться, нам придется создать распределенный контур.

Он посмотрел на мою перевязанную руку:

— Вам придется открыть свои собственные проводящие пути и впустить меня в свою нервную систему. Я стану вторым стабилизатором внутри вашего тела. И я не обещаю, что вы выйдете из этого целой.

Глава 4

Дневной свет в покоях наследницы, похоже, причинял Рейнару боль.

Он не щурился картинно и не закрывался ладонью, но я видела, как напряглись мышцы его челюсти, когда тяжелые шторы раздвинули на ширину ладони. Десять лет полумрака оставили радужку его глаз блеклой, почти прозрачной. На нем была простая темно-серая шерстяная куртка без знаков отличия, выданная в карауле Садового крыла, и грубые сапоги на шнуровке. Железо с его запястий сняли перед самой дверью спальни, но он продолжал держать руки чуть согнутыми перед собой — ввевшаяся привычка человека, привыкшего к тяжести цепей.

Леди Лиора стояла на том же месте.

За три часа моего отсутствия ее состояние ухудшилось. Кожа вокруг губ приобрела синеватый, пепельный оттенок, а дыхание стало настолько поверхностным, что шелк ее пеньюара на груди едва вздрагивал. Мышцы шеи свело в каменный жгут; тонкие темные жилки печати набухли, наливаясь тяжелой, маслянистой чернотой.

Короля в комнате не было — государственные дела требовали его присутствия на утреннем совете, — но у закрытых дверей застыли двое гвардейцев первой сотни. Илва Рен стояла у изразцовой печи, не снимая ладони с оголовья сабли.

— Ей осталось не больше двух часов до отека гортани, — негромко произнесла я, раскладывая на круглом столике серебряные щупы и свежие салфетки.

Рейнар остановился в трех шагах от девушки. Он не подошел ближе, пока не осмотрел все пространство: тяжелый карниз, занавеси, медную пластину на полу, направление сквозняка от каминной вытяжки. Его профессиональный взгляд был пугающе расчетлив.

— Она держится на остаточной емкости спинномозгового канала, — его хриплый голос прозвучал ровно, словно он читал анатомический атлас. — Седьмой слой зацепился за третий шейный позвонок. Это не просто паралич. Знак работает через нулевой шарнир.

Я замерла со щупом в пальцах.

— Что такое нулевой шарнир?

— Скрытая петля в геометрии основания, — Рейнар повернул голову ко мне. — В законных служебных знаках импульс идет по кругу и гаснет в заземлителе. В шарнире поток раздваивается: одна линия держит тело жертвы, вторая — обратная — уходит вглубь, создавая встречное давление. Если вы начнете тянуть печать в одиночку, шарнир захлопнется, как капкан. Ваша нервная система не просто перегорит — вы оторвете ее двигательные центры вместе с собственными.

— Как его обойти? — спросила я, глядя ему прямо в глаза.

— Одновременно замкнуть обе линии. Вы берете на себя основной объем — отвод внешних шести колец на предплечье. Я перехватываю возвратную дугу и блокирую шарнир, пока вы не выдернете ядро.

— Вы предлагаете мне открыть свои проводящие пути для постороннего вмешательства? — мой голос стал сухим.

— Я констатирую условие задачи, мастер Морвей, — без тени вызова отозвался он. — Либо мы строим сдвоенный мост, либо вы хороните племянницу короля к полудню.

Илва шагнула вперед, железо ее нагрудника сухо звякнуло:

— Восс, если ты попытаешься...

— Капитан, помолчите, — оборвала я ее.

Время уходило. Воздух вокруг Лиоры уже потрескивал тихим, едва слышным статическим звоном — верный признак того, что барьеры ее плоти истончились до предела.

Я подошла к девушке, опустила на колено и заглянула в ее неподвижные, полные слез глаза:

— Ваше высочество. Мы готовы начать. С вами будет работать заключенный Рейнар Восс — создатель защитной основы этого знака. Он не коснется вашего тела напрямую. Вторым основанием стану я. Вы разрешаете процедуру?

Нижнее веко Лиоры судорожно дрогнуло. Затем ресницы медленно, с чудовищным усилием опустились и поднялись. Согласие пациента было получено.

Я поднялась и повернулась к Рейнару:

— Теперь наши условия, Восс. До того, как вы сделаете хоть одно движение.

Он молча наклонил голову, готовый слушать.

— Зона контакта — только мое правое предплечье, от запястья до локтевого сгиба, — четко произнесла я, следя за каждым мускулом его лица. — Ваша задача — исключительно удержание возвратной петли. Вы не направляете импульсы в мои плечевые узлы, не пытаетесь управлять моей моторикой и не вмешиваетесь в перенос седьмого узла. Длительность — не дольше трех минут.

Рейнар слушал внимательно, не перебивая.

— Слово остановки — «разомкни», — продолжила я. — Как только я его произношу, вы убираете руки мгновенно. Без пауз, без попыток «завершить дугу» или обезопасить себя. Понятно?

— Понятно, — его серые глаза оставались спокойными и темными. — А если спазм перехватит ваше горло раньше, чем вы успеете сказать?

Я на секунду замялась. Он был прав: при высокой плотности чужой магии голосовые связки перекрывает за доли секунды.

— Два удара указательным пальцем по тыльной стороне вашей ладони, — ответила я. — Если я стучу дважды — вы держите только согласованный рубеж. Никакого расширения контакта без моего прямого подтверждения.

— Принято, — произнес Рейнар. — Мое условие: вы не сбрасываете заземление в медный диск, пока я не зафиксирую шарнир. Если вы поторопитесь, обратный удар пойдет в меня, а Каменный приговор воспримет чужой заряд как попытку нападения. Мое сердце превратится в булыжник.

— Договорились.

Я расстегнула пуговицы на правом рукаве своего жакета, обнажая руку до локтя. Взяла широкий медный зажим заземлителя, закрепила клемму под левой стопой Лиоры, а второй провод обвила вокруг своей ладони.

— Становитесь справа, — приказала я ему.

Рейнар подошел вплотную. От него веяло холодом старого камня, чистым мылом и едва уловимым, тяжелым духом железа. Он был огромен рядом со мной, его плечи перекрывали свет из окна, но двигался он с удивительной, бережной точностью, словно боялся задеть хоть складку моей одежды.

Он поднял свои ладони. Кожа на них была темной от въевшейся за годы пыли, костяшки сбиты, но длинные, сухие пальцы механика не дрожали.

— Начинайте с внешних слоев, — тихо произнес он над моим ухом.

Я глубоко вдохнула, задержала дыхание и прижала пальцы левой руки — уже меченой, но сохранившей рабочую емкость — к шее наследницы.

Удар был втрое сильнее утреннего.

Королевская кровь не просто сопротивлялась — она вскипела. В мои пальцы хлынул тяжелый, обжигающий ледяной поток. Черные линии на ключице Лиоры запульсировали, словно потревоженные змеи. Я почувствовала, как внешние кольца срываются со своих мест, устремляясь по моим проводящим путям вверх.

Первое. Второе. Третье.

Боль в левом предплечье вспыхнула ослепительным белым пламенем. Старый ожог от Фола отозвался резким спазмом, сухожилия натянулись до звона.

И в этот момент в глубине плетения ожил нулевой шарнир.

Словно чужая костяная лапа ухватила меня за основание черепа. Обратная дуга, о которой предупреждал Рейнар, ударила назад с чудовищной силой. Воздух в легких мгновенно окаменел. Горло пережало невидимым жгутом — я не могла выдохнуть, не могла протолкнуть в связки ни единого звука. Мир перед глазами начал стремительно меркнуть, затягиваясь серой рябью.

«Шарнир... он захлопывается...»

— Разрешение, мастер, — низкий, ровный голос Рейнара прозвучал прямо у моего виска. Он не коснулся меня сам. Даже видя, как я задыхаюсь, он ждал.

Я из последних сил повернула кисть правой руки и раскрыла ладонь навстречу его пальцам.

Его рука легла на мое предплечье.

Это не было похоже на мягкое тепло живого человека. Его пальцы были шершавыми, сухими и пугающе твердыми, словно выточенными из дуба. Но в то же мгновение, когда наши проводящие каналы сомкнулись, дикая, разрывающая вибрация в моей шее стабилизировалась.

Рейнар вошел в цепь ровно на глубину одного слоя. Он не пытался подавить мою волю, не лез глубже, чем мы условились. Он стал наковальней. Глухим, неподвижным барьером, о который разбилась возвратная волна нулевого шарнира.

Дыхание со свистом вернулось в мою грудь.

«Держи!» — приказала я себе.

Я видела перед собой побелевшее лицо Лиоры. С шеи девушки уходили последние кольца. Оставался центр — седьмой узел, намертво сцепленный с династическим резонансом.

Рейнар стоял неподвижно. Я чувствовала через кожу его ладони, как тяжело и глухо бьется его сердце — с легким сбоем на каждом четвертом цикле, там, где камень сдавливал верхушку органа. Он держал чудовищный напор, его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки, но хватка оставалась безупречно стабильной. Ни на волосок глубже согласованного. Ни на полудюйм в сторону плеча.

Седьмой узел дрогнул.

Он оторвался от ключицы Лиоры с коротким, сухим треском — словно в тишине комнаты переломили сухую сосновую ветку.

Чернота хлынула в меня.

Левая рука онемела мгновенно, до самого плечевого сустава. Я едва удержалась на ногах, чувствуя, как королевский корень прорастает в мою собственную плоть, свиваясь в плотный, тлеющий ком над локтем. Но обратного удара не случилось: Рейнар перехватил импульс шарнира и рассек его точным, расчетливым замыканием на медную шину заземления.

Медный диск под нашими ногами плюнул снопом мелких зеленых искр.

— Лиора! — вскрикнула Илва, бросаясь вперед.

Ноги наследницы подкосились. Капитан подхватила девушку под мышки до того, как та успела коснуться пола. Лиора тяжело, судорожно всхлипнула — первый свободный, глубокий вдох разорвал оцепенение ее груди. Из ее горла вырвался хриплый, жалобный стон, переходящий в плач. Мышцы лица отпустило: она зажмурилась, задрожала всем телом и вцепилась слабыми, побелевшими пальцами в железный панцирь гвардейской капитанши.

Она дышала. Она могла плакать.

Боль в моем теле достигла предела. Колени подогнулись, и я качнулась назад.

Рейнар удержал меня за предплечье ровно настолько, чтобы я не упала, но в ту же секунду, как мое равновесие восстановилось, я хрипло выдохнула:

— Разомкни.

Он убрал руки мгновенно.

Его пальцы оторвались от моей кожи так быстро, словно коснулись раскаленного железа. Ни лишней секунды задержки. Ни малейшей попытки продлить контакт. Он отступил на полшага назад, опустив руки вдоль тела и тяжело переводя дыхание. На его лбу блестели крупные капли пота, а под расстегнутым воротом рубахи темно-серая каменная корка над грудиной казалась еще более безжизненной на фоне побелевшей кожи.

Я привалилась плечом к резному столику, баюкая покалеченную левую руку.

Королевский корень остался во мне. Он не исчез — он свернулся темным, живым клубком прямо под кожей предплечья, глубже, чем след от утреннего чиновника. Рука висела тяжелой, онемевшей колодой, но я знала: внешний управляющий ключ нейтрализован. Северин или тот, кто наложил знак, больше не мог отдавать команды через это тело. Я удерживала активный образец, превратив саму себя в живое хранилище королевской улики.

На диване Лиора жадно пила воду из чаши, которую придерживала Илва. Девушку колодила крупная дрожь — физиологическая цена долгого паралича не проходит за минуту; ее мышцы горели, плечи сводило спазмами, но взгляд стал живым, человеческим.

— Кто... — с трудом прошептала Лиора пересохшими губами. Голос был хриплым, сорванным. — Кто это был?

— Мы выясняем, ваше высочество, — ответила я, переводя дух. Голос мой звучал глухо. — Главное — вы свободны.

Рейнар не смотрел на наследницу. Все его внимание было приковано к медному подносу, на который осыпались остатки внешних контуров печати во время разрыва.

Он медленно опустил на одно колено возле столика. Двумя пальцами правой руки он осторожно, не касаясь меди, растер серый осадок, оставшийся на полированном металле.

— Подойдите сюда, мастер Морвей, — негромко произнес он.

Я сделала два шага, преодолевая пульсирующую боль в руке, и заглянула через его плечо.

Среди черных чешуек распавшегося красителя виднелся тонкий, матовый налет. Он не был похож на обычную сажу или золу от сторовых травяных фиксаторов. Это был чистейший, ослепительно-белый порошок мелкого помола, похожий на муку из жженой кости.

Рейнар поднес пальцы ближе к глазам, осторожно потер крупинцы между подушечками.

— Белая резонансная зола, — произнес он с тяжелой, давящей уверенностью. — Высшая фракция. Ее пережигают из глубинных известняков при температуре плавления меди, чтобы стабилизировать проводящие чернила при массовой штамповке.

Я нахмурилась:

— Штамповке?

— Такой налет не образуется при штучной гравировке, — Рейнар поднял на меня глаза, и в их глубине блеснула холодная, пугающая ясность опытного дознавателя. — Ни один мастер не станет тратить фунт резонансной золы ради того, чтобы наложить печать на одну девушку, пусть даже королевской крови. Эту партию варили в промышленном тигле. Речь идет о сотнях матриц.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Лиоры на диване.

— Это не месть, — тихо сказала я, понимая масштаб надвигающейся катастрофы. — И не покушение на одного члена семьи.

— Нет, — Рейнар медленно стряхнул белую пыль обратно на поднос и выпрямился во весь свой немалый рост. — Кто-то готовит одновременный перехват власти над всей системой государственных контуров. И то, что лежало на ее высочестве, было всего лишь калибровкой.

Глава 5

В цокольном этаже Палаты Размыкателей всегда пахло одинаково: крепким рассолом, медной окалиной и мокрой льняной ветошью. Но к вечеру второго дня к привычным запахам примешался холодный, липкий дух чужого ужаса.

Шесть смотровых столов из кованой меди были заняты.

Вдоль длинной сводчатой галереи дежурили четверо младших мастеров и Сера. Они двигались бесшумно, меняя компрессы на шеях пациентов, проверяя пульс на сонных артериях и смазывая пересыхающие губы травяным маслом. Ни криков, ни стонов. Только тяжелое, размеренное сипение полудюжины запертых глоток и тихий перестук капель из мерных капельниц.

Моя левая рука висела вдоль тела, налитая свинцовой, ноющей тяжестью. Королевский корень, принятый с ключицы Лиоры, дремал под кожей моего предплечья, свернувшись плотным черным узлом. Он больше не рвался наружу — без внешнего толчка печать была слепа, — но само его присутствие отзывалось глухой болью в плечевом суставе и тупым давлением под ребрами. Пошевелить пальцами я могла, но взять серебряный щуп левой рукой сейчас не рискнула бы: точность упала вдвое.

За моей спиной раздался тяжелый, неторопливый шаг кованых сапог.

Рейнар Восс остановился в двух шагах от крайнего стола, заложив руки за спину. На нем всё еще была простая серая куртка из караульного арсенала Садового крыла. Волосы с проседью на висках подсохли, открывая высокий, изрезанный глубокими морщинами лоб. Он смотрел на лежащих людей не как лекарь и не как сочувствующий свидетель — он читал их тела, как инженер читает чертежи машин, вышедших из строя по единой, скрытой поломке.

Чуть поодаль, прислонившись плечом к каменной опоре свода, стояла капитан Илва Рен. Ее ладонь покоилась на эфесе сабли, а взгляд не отрывался от широкой спины Восса ни на секунду.

— Их привезли за последние четыре часа, — негромко сказала я, подходя к первому лежащему.

Это был мужчина лет пятидесяти с одутловатым лицом и коротко подстриженными седящими усами. Берэн Арло, старший контролер податного ведомства. Он лежал на спине, уставившись неподвижным взглядом в закопченный потолок. Его правая рука застыла со скрюченными пальцами, словно он продолжал сжимать гусиное перо над гроссбухом. На шее, точно над ключицей, темнели знакомые шесть колец и глухой центральный нарост.

— Сера успела поставить заземляющие контуры, — продолжала я, осторожно промокая салфеткой пот на лбу контролера. — Дыхание стабилизировано, критический спазм снят холодными примочками. Но они не могут пошевелить даже пальцем ноги. И у каждого на шее — тот же самый рисунок.

Рейнар наклонился над Арло, не касаясь его тела. Я заметила, как он держит дистанцию: ровно три вершка от чужой кожи, локти прижаты к ребрам, плечи неподвижны. Десять лет в Чернокаменной приучили его беречь пространство, но сейчас в этой сдержанности сквозило нечто иное — профессиональная осторожность мастера, знающего цену случайного резонанса.

— Не тот же самый, — тихо произнес он. Его низкий, хриплый голос отозвался легкой вибрацией от медной поверхности стола.

Я нахмурилась:

— Геометрия наружных колец совпадает до сотой доли вершка. Тот же седьмой слой.

— Посмотрите на третью дугу, мастер Морвей.

Он указал пальцем в воздух над шеей контролера, очерчивая невидимую линию.

— Здесь нет динамического сужения, которое мы видели у леди Лиоры. Линия толще на полтора волоса. Проводящий состав гуще. Тот, кто наносил этот контур, не пытался вплести его в династическую кровь — он посадил его прямо на плотную, заскорузлую жилу человека, привыкшего к тяжелому сидячему труду.

Я перешла ко второму столу. Там лежала молодая женщина в строгом темном платье судебного ведомства — секретарь Элен Вар. Ее тонкие, длинные пальцы замерли в полудюйме от груди, глаза были широко распахнуты, полные той же безмолвной, тонущей мольбы, которую я видела на рассвете у Терена Фола.

— У нее контур тоньше, — заметила я, вглядываясь в черную паутину на ее бледной коже. — Но глубина залегания больше.

— Потому что у нее другой рабочий порог, — отозвался Рейнар. Он перевел взгляд на меня, и в его полинялых серых глазах мелькнула расчетливая сосредоточенность. — Кто остальные четверо?

— Начальник западных ворот крепостного обвода, — перечислила я, загибая пальцы здоровой правой руки. — Дежурный смотритель телеграфных контуров Верхнего города. Механик подземных водоотводных заслонок. И судебный исполнитель третьей гильдии.

— Никакой связи, — бросила Илва от колонны. Ее голос прозвучал сухо и резко. — Городская стража уже перевернула их дома. Они не родственники, не состоят в одной ложе, не обедали в одном трактире. Половина из них вообще не покидала своих контор дальше рыночной площади. Это хаотичный террор. Кто-то пытается запугать чиновников перед церемонией.

— Хаотичный террор не оставляет на столах белую резонансную золу, капитан, — холодно отозвался Рейнар, даже не обернувшись к ней. — И хаотичный террор не подбирает жертв с такой чудовищной избирательностью.

— Избирательностью? — переспросила я. — В чем она? Они из абсолютно разных сословий. От податного клерка до племянницы государя.

Рейнар медленно выпрямился.

— Вы смотрите на людей, мастер Морвей. Вы Размыкатель — вы видите пациента, его плоть, его боль и риск остановки дыхания. Для вас они — страдающие души, требующие немедленного снятия цены. Но тот, кто держит в руках матрицы, не видит в них людей. Он видит механизмы.

Он подошел к массивному дубовому столу в центре галереи, на котором Сера аккуратно разложила личные вещи пострадавших, изъятые при первичном осмотре: связки ключей, гербовые печатки, серебряные жетоны присутственных мест.

— Покажите мне их служебные знаки, — сказал он.

Я подошла к столу, чувствуя, как при каждом шаге в левом плече отзывается тяжелый груз королевского корня. Здоровая рука сама потянулась к россыпи металла на вошенном сукне.

Государственная система Лаэрна строилась на жесткой иерархии полномочий. Каждый служащий, допущенный к ключевым узлам управления, носил законную служебную печать — тонкую гравировку на коже предплечья, привязанную к медному жетону ведомства. Без этого жетона зачарованные замки архивов не открывались, ворота крепости оставались наглухо запертыми, а налоговые книги считались недействительными.

Я сдвинула жетоны в ряд.

— Берэн Арло. Казначейский контроль.

— Элен Вар. Судебная канцелярия, право регистрации указов.

— Капитан стражи западного обвода. Допуск к механизмам внешних решеток.

— Смотритель телеграфа. Допуск к сигнальным кабелям между башнями.

— Механик заслонок. Допуск к гидродинамическим контурам нижнего города.

— Первый чиновник — Терен Фол, — добавила я, глядя на ровный строй медных пластинок. — Архивы Главного казначейства.

Рейнар молчал несколько секунд. Его длинные пальцы с разбитыми суставами медленно коснулись края дубовой столешницы.

— Шесть, — негромко произнес он. — Ворота. Архив. Казна. Суд. Городские контуры. Связь.

Воздух в подвале словно стал на градус холоднее.

Я медленно подняла глаза на Восса. Догадка, холодная и острая, как серебряный ланцет, прошла сознание.

— Это не имена, — выдохнула я. — Это классы.

— Семь классов государственной власти Лаэрна, — кивнул Рейнар. В его голосе не было торжества — лишь глухая, тяжелая горечь человека, чье худшее предположение подтвердилось с математической точностью. — Шесть ведомственных классов полномочий. И седьмой — венчающий. Королевский. Тот, который вы сняли с леди Лиоры сегодня утром.

Илва оторвалась от колонны, ее сапоги тяжело простучали по каменным плитам.

— Вы хотите сказать, что нападавший выбирал не конкретных людей, а их должности?

— Не должности, капитан, — Рейнар повернулся к ней, и его полинялый взгляд стал жестким. — Их проводящие контуры. Законные печати каждого ведомства имеют разную частоту отклика, разную плотность линий и разный уровень доступа к Коронной матрице. Чтобы замкнуть седьмой слой на всё королевство разом, нельзя действовать наугад. Нужно откалибровать матрицу под каждый класс в отдельности.

— Калибровка, — повторила я, глядя на неподвижные фигуры на медных столах.

Мне стало физически дурно. Люди, лежавшие в полумраке галереи, не были случайными жертвами нападения. Их использовали как живые испытательные стенды. Тот, кто накладывал знаки, проверял, как седьмой слой ложится на чиновника казны, как он держится на теле судебного регистратора, сколько времени требуется, чтобы парализовать стража ворот.

Их мучения, их задыхающиеся глотки, их ужас — всё это было просто проверкой допусков перед главным ударом.

— Мастер Морвей! — раздался с верхних ступеней галереи резкий, властный голос.

Мы синхронно обернулись.

По каменной лестнице спускалась глава Палаты Марта Эйр.

Ей было под шестьдесят — сухопарая, с безупречно прямой спиной, в темно-зеленой мантии старшего смотрителя с глухим серебряным воротником. Седые волосы были уложены в строгий тугий узел на затылке. Ее цепкий, строгий взгляд мгновенно охватил медные столы, застывших пациентов, меня с прижатой к животу левой рукой и Рейнара, стоявшего у рабочего стола.

— Марта, — я сделала шаг навстречу.

— Молчи, Аделина, — оборвала она меня негромко, но с той непрекращаемой силой, перед которой отступали даже королевские судьи.

Она подошла ко мне вплотную, взяла мою левую руку за запястье и резко потянула рукав жакета вверх.

Под тонким полотном рубашки отчетливо проступал багровый, воспаленный валик кожи. Седьмой узел Лиоры спал, но его очертания лежали в тканях глубоко и черно, стягивая сухожилия предплечья.

Марта сжала мои пальцы. Мизинец и безымянный отозвались слабой, неловкой судорогой.

— Ты с ума сошла, — в ее голосе звенел не гнев, а ледяное, яростное отчаяние наставника. — Ты приняла королевский контур на себя. Без консилиума. Без заземляющей ванны. В одиночку.

— Не в одиночку, — тихо сказала я, кивнув на Рейнара.

Марта медленно повернула голову к Воссу. Ее глаза сузились, превратившись в две колючие щели.

— Заключенный Восс, — произнесла она с нескрываемым презрением. — Десять лет назад я требовала от королевского суда выжечь ваши пальцы до кости, чтобы вы никогда больше не смогли взять в руки проводящий стило. И я вижу, что была права. Вы снова здесь. И вокруг вас снова гибнут люди.

Рейнар не опустил глаз. Он выдержал ее взгляд спокойно, без вызова, но и без тени раскаяния.

— Мастер Эйр. Ваши мастера отлично обучены накладывать соляные повязки. Но если вы не дадите нам работать, через десять дней вы будете накладывать погребальные саваны на три сотни чиновников разом.

— Не смейте учить меня долгу в стенах моей Палаты! — отчеканила Марта. Она снова повернулась ко мне: — Аделина, я запрещаю тебе дальнейшие переносы. Слушай меня внимательно: я отдаю официальный приказ главы ведомства. Все шестеро останутся под поддерживающим заземлением. Мы будем поить их питательными растворами через зонды и ждать прибытия мастеров из южных провинций. Ты не прикоснешься ни к одному из этих контуров.

— Марта, у них нет времени ждать южных мастеров! — я повысила голос, забыв об усталости. — Мышечный спазм шеи нарастает с каждым часом. Через двое суток у Берэна Арло начнется необратимый отек гортани. Через трое — у Элен Вар откажут почки от застоя проводимости! Мы не можем держать их на меди вечно!

— А ты не можешь держать в своем теле больше одного сложного контура! — прикрикнула Марта, и ее маска невозмутимости дала трещину. Она схватила меня за плечи, заглядывая прямо в глаза: — Ты забыла, сколько переносов перенесло твое сердце? Ты забыла, почему пьешь сердечные капли по ночам? Ты хочешь лечь на седьмой стол рядом с ними?!

В галерее повисла мертвая, оглушающая тишина.

Сера у дальнего стола замерла с полотенцем в руках. Илва нахмурилась, переводя тяжелый взгляд с меня на Марту. Даже Рейнар едва заметно шевельнулся — его глаза на мгновение метнулись к моей груди, туда, где под сукном жакета тяжело и неровно билось мое уставшее сердце.

Я медленно высвободила плечи из пальцев наставницы.

— Я помню каждую свою рану, Марта, — тихо, но отдельно произнесла я. — И я не собираюсь переносить все шесть печатей на себя сегодня ночью. Это убьет меня, я знаю. Мы будем снимать их по одной, с паузами на разбор и стабилизацию. Но если мы не поймем систему сейчас, нам некого будет спасать к дню Единой присяги.

Марта тяжело выдохнула. Ее плечи чуть опустились, выдавая безмерную, глубокую усталость пожилой женщины, на чьих плечах держалась безопасность столицы.

— Какая система, Аделина? Что вы нашли?

Я указала на медные жетоны на столе.

— Семь классов. Ворота, казна, суд, контуры, связь, корона. Шесть калибровок уже проведены. Нападавший закрыл почти всю структуру управления городом.

Рейнар сделал шаг ближе, его голос звучал ровно и деловито, возвращая разговор в профессиональное русло:

— Не хватает одного класса, мастер Эйр. Центрального архива.

Марта замерла, ее брови сошлись к переносице:

— Архива?

— В списке Фола были только налоговые ведомости казначейства, — пояснил Рейнар. — Это вторичный уровень. Но кто-то должен был дать доступ к личным матрицам всех служащих города. Для этого нужен старший архивариус Коронного хранилища. Человек, хранящий дубликаты печатей всех трехсот двенадцати чиновников.

— Леран Ков, — вырвалось у меня.

Илва шагнула к нам, ее рука сжалась на эфесе так, что кожа перчатки закрипела:

— Старший архивариус Ков не явился на службу сегодня в полдень. Его помощник подал рапорт о невыходе, но мы списали это на простудную лихорадку.

— Это не лихорадка, — холодно произнес Рейнар. — Если Ков был седьмым... точнее, вторым по значимости образцом после короны, его не просто калибровали. С него сняли полную копию реестра.

В этот момент тяжелая дубовая дверь в конце галереи со стуком распахнулась.

На пороге стоял молодой гвардеец из роты Илвы — запыхавшийся, в забрызганном грязью дорожном плаще, с мокрым капюшоном, откинутым на плечи.

— Капитан! — выкрикнул он, тяжело переводя дыхание.

Илва мгновенно развернулась:

— Докладывай!

Гвардеец сделал три быстрых шага вниз по ступеням и протянул сложенный вчетверо лист серой упаковочной бумаги, перепачканный бурыми пятнами:

— Патруль третьей сотни проверил квартиру старшего архивариуса Кова в Колокольном квартале. Дверь была заперта изнутри на ночной засов. Пришлось выбивать бревном.

Мое сердце сжалось в знакомом тревожном спазме:

— Он мертв?

— Жив, мастер, — боец сглотнул, и в его глазах мелькнул неподдельный страх. — Но он... он сидит за письменным столом. Абсолютно голый по пояс. В руке зажато сухое перо без чернил. Он не отзывается на голос, не встает и не закрывает глаза.

Гвардеец перевел дух и добавил тише, почти шепотом:

— А на столе перед ним нацарапана записка. Не чернилами — ногтем по дереву. Мы едва смогли разобрать слова.

Илва вырвала лист из его пальцев, пробежала глазами короткие косые строки и медленно подняла голову. Ее лицо казалось высеченным из серого гранита.

— Что там, капитан? — потребовала Марта.

Илва посмотрела на меня, затем на Восса:

— «Мне велели сидеть и молчать. Если я издам хоть звук до заката — контур разорвет мне грудь».

Капитан скомкала бумагу в кулаке:

— Он заперт двойным приказом. Моторный паралич плюс запрет на звук. И возле его дома патрульные заметили двоих в темных плащах с капюшонами. Они кружили по переулку, словно ждали, пока дом опустеет.

Рейнар медленно поднял глаза к темным сводам потолка.

— Они не ждут, пока дом опустеет, капитан, — глухо произнес он. — Калибровка архива завершена. Они идут защищать свидетеля.

Я не стала слушать дальше. Повернулась к столу, схватила здоровой правой рукой дорожный саквояж с серебряными щупами и плотно захлопнула латунные замки.

— Сера, — бросила я ученице, на ходу натягивая плащ на ноющую левую руку. — Раствор номер два, медные клеммы и двойной жгут заземления. Мы выезжаем в Колокольный квартал прямо сейчас.

Глава 6

Дом старшего архивариуса стоял в глубине тупика Семи Колоколов — там, где кривые двухэтажные постройки из серого песчаника жались к древней крепостной стене, словно ища у нее тепла.

Морось сменилась промозглым, липким туманом. Он полз по сточным канавам, оседал на медных бляхах конской упряжи и глушил любые звуки. В карете мы ехали молча. Напротив меня сидел Восс; его колени почти упирались в мои, но он умудрялся держаться так, чтобы ткань его грубых шерстяных штанов ни разу не задела подол моего плаща. В темноте экипажа я видела лишь резкий силуэт его профиля: прямой нос с едва заметной горбинкой, впалые щеки и неподвижный, тяжелый взгляд, устремленный в щель занавески. При каждом толчке на выбоинах его правая рука невольно сжималась в кулак, выдавая чудовищное внутреннее напряжение человека, которого после десяти лет неподвижного склепа вышвырнули в грохочущий ночной город.

Моя левая рука под плотной повязкой ныла ровным, чугунным жаром. Королевский корень, снятый с Лиоры, спал в глубине моих предплечных фасций, но стоило мне шевельнуть пальцами, как под ключицей отдавало тупой, предупреждающей болью. Я уже несла одну государственную печать высшей емкости. Брать вторую при живом королевском узле было чистым безумием, граничащим с нарушением профессиональной присяги.

Но у дверей дома Кова нас уже ждал патрульный.

Дверь на втором этаже была высажена: щепка от массивного дубового бруса свисала с петель, а в узком коридоре пахло пролитой лампадной гарью, сыростью и кислым человеческим страхом.

— Внутрь иду я, мастер Морвей и заключенный, — тихо, но жестко приказала Илва двум гвардейцам у входа. — Вы двое остаетесь на верхней площадке. Арбалеты к бедру. Если в переулке шевельнется хоть тень — свисток и огонь на поражение.

Комната архивариуса напоминала бумажный склеп. Высокие, до самого потолка стеллажи прогибались под тяжестью пергаментных рулонов, картонных папок и завязанных тесьмой связок казенных формуляров. На полу валялись оброненные листы, но на столе царил образцовый, леденящий душу порядок.

Леран Ков сидел на жестком стуле с высокой спинкой прямо под жестяным абажуром керосиновой лампы.

Он был совершенно наг по пояс. Худое, бледное тело пятидесятилетнего книжника казалось вылепленным из серого воска. Его впалая грудь едва вздымалась — дыхание было настолько крошечным, экононым, что тонкие ребра почти не двигались. В судорожно сжатых пальцах правой руки он держал гусяное перо с расщепленным, сухим кончиком без чернил.

Перед ним на темной дубовой доске стола белели свежие, содранные до мясной сукровицы царапины.

Я подошла сбоку, стараясь не делать резких движений. Ногти на его левой руке были сорваны почти до мяса. Ими он и царапал дерево, миллиметр за миллиметром, пока пальцы не отказали окончательно:

«Мне велели сидеть и молчать. Если я издам хоть звук до заката — контур разорвет мне грудь».

Глаза архивариуса были открыты. Они блестели в желтом свете лампы той же водянистой, животной мукой, которую я видела у Фола и Лиоры. Но здесь паралич был совершеннее. Мышцы его нижней челюсти свело с такой чудовищной силой, что зубы стучали мелкой, непрекращающейся дробью, а из уголка губ на впалую ключицу стекала тонкая струйка слюны.

— Господин Ков, — негромко позвала я, опускаясь рядом на колено и доставая из саквояжа серебряный диагностический щуп. — Я Аделина Морвей из Палаты Размыкателей. С вами капитан королевской гвардии. Мы пришли снять знак.

Зрачки архивариуса метнулись ко мне, в них вспыхнула дикая, отчаянная надежда. Но связки не издали ни звука — его горло было перехвачено глухим спазмом.

Я заглянула ему за левое плечо.

Чернила на его ключице были свежими, с характерным глянцевым отливом, какой дает только концентрированная соляная вытяжка. Но структура...

— Двойной замок, — раздался за моей спиной хриплый голос Восса.

Рейнар стоял в шаге позади меня, заложив руки за спину. Он не смотрел на лицо человека — его глаза сканировали линии на бледной коже с пугающей, анатомической холодностью.

— Моторный паралич внешних пяти дуг, — произнес он, не приближаясь. — А шестая линия пущена петлей вокруг щитовидного хряща и голосовых связок. Если амплитуда гортани превысит шепот — петля затянется внутрь, на сонную артерию. Тот, кто накладывал этот контур, улучшил схему. Он учел ошибку с Фолом.

— Вы можете его стабилизировать? — спросила я, осторожно касаясь кончиком щупа наружного контура. Металл отозвался короткой, ледяной вибрацией.

— Я могу держать голосовую петлю, — ответил Рейнар. Его полинялые серые глаза встретились с моими. — Но моторный узел вам придется снимать целиком. И делать это нужно прямо сейчас.

Я взглянула на свою левую руку. Под сукном жакета королевский узел Лиоры уже ворочался, словно почуяв близость родственного плетения. Взять второй контур... Марта в Палате сняла бы с меня звание мастера за одну только мысль об этом. Два активных узла такого ранга создадут внутри моих собственных каналов перекрестную тягу. Если ритм сорвется, меня разорвет встречной волной.

— Мастер, — негромко позвала Илва от двери. Ее рука лежала на рукояти сабли, плечи были напряжены. — Внизу скрипнула калитка.

В комнате мгновенно стало холодно.

— Сколько их? — не оборачиваясь, спросила я.

— Двое, — тихо ответила капитан. — Шли по стене, со стороны тупика. Мои люди на улице молчат. Значит, их сняли без шума или обошли по карнизу.

Восс медленно повернул голову к распахнутой двери. Черты его лица заострились, превратившись в хищную, застывшую маску.

— Они пришли не проверять его состояние, — глухо сказал он. — Они пришли зачистить образец. Если архивный класс калиброван, живой свидетель Северину больше не нужен.

— У нас нет времени на деликатный разбор, — я резким движением сдернула льняную повязку со своего левого предплечья.

Кожа там всё еще была багровой, а под ней темнел тяжелый, выпуклый королевский узел, похожий на спящую змею.

— Восс, — твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Становитесь слева. Медная шина под ноги Кову. Вы держите голосовую петлю и заземление. Я забираю моторный блок на себя.

— Аделина, — в его голосе впервые прозвучало предупреждение, почти приказ. — Ваше сердце не удержит две встречные дуги. Королевский корень войдет в резонанс с архивным узлом. Вы получите фибрилляцию через сорок секунд.

— Либо я получу фибрилляцию, либо через сорок секунд этот человек захлебнется собственной кровью, когда они войдут в дверь! — отрезала я. — Медь на пол. Живо!

Он не стал спорить. В экстремальной ситуации этот человек превращался в безупречный инструмент: никаких лишних слов, никаких сомнений. Он сбросил тяжелую медную пластину

на паркет, ногой подбил ее под босые ступни задыхающегося архивариуса и встал над ним, расставив ноги для устойчивости.

— Разрешение на контакт, мастер? — его ладони замерли в вершке от плеч Кова.

— Да, — бросила я. — Удержание только голосового контура. К моему телу не прикасаться без прямого сигнала.

— Принято.

Его пальцы легли на ключицу Кова — легко, едва касаясь воспаленной кожи. В ту же секунду я прижала раскрытую ладонь своей левой руки прямо к темной паутине моторного узла на шее архивариуса.

Возвратный удар был чудовищным.

Это не было похоже на плавный переток утреннего чиновника. Королевский корень под моей кожей мгновенно вспыхнул ядовитым, ледяным пламенем. Он узнал соседа. Две разные матрицы — высшая династическая и прикладная архивная — сцепились прямо в моих тканях, словно два бойцовых пса.

Воздух выбило из моих легких. Перед глазами полыхнуло белым.

В груди что-то оборвалось — резкий, скручивающий спазм полоснул по сердцу, выбивая ритм. Тук... провал... судорожный, панический толчок... пустота. Левую руку свело такой дикой судорогой, что пальцы вывернуло в обратную сторону, а сухожилия на запястье натянулись до хруста.

«Дыши... дыши, черт тебя дери...» — приказала я себе, стискивая зубы так, что во рту появился солоноватый привкус крови.

Линии на шее Лерана Кова посерели. Чернота потекла по моим пальцам, вгрызаясь во вторую вену, свиваясь во второй тугий жгут рядом с первым. Архивариус судорожно выдохнул — его челюсти разомкнулись, из горла вырвался хриплый, болезненный стон.

И в этот момент с лестничной площадки донесся глухой, влажный звук удара.

Тело одного из наших гвардейцев тяжело рухнуло на деревянные ступени. Раздался свист арбалетного болта, впившегося в косяк, и следом — звон выбитого оконного стекла.

— Назад! — рявкнула Илва, вскидывая саблю.

В узкий дверной проем метнулись две фигуры в глубоких темных капюшонах из плотного непромокаемого сукна. Они двигались с пугающей, механической синхронностью — без выкриков, без предупреждений. В руках переднего блеснул короткий серповидный клинок с черным лезвием, рассчитанным на перерезание сонных артерий.

Второй держал наготове заряженный рычажный самострел.

Илва шагнула навстречу, ее сабля со свистом рассекла воздух, отбивая наконечник болта в книжный шкаф. Бумажные свитки брызнули белым фонтаном. Но места для широкого фехтовального выпада в узком проходе не было: нападающий с клинком нырнул под ее клинок, метя узким лезвием прямо в горло привалившегося к столу архивариуса.

Он шел на Лерана. Им был нужен только свидетель.

Я не могла пошевелиться. Мое тело было приковано к столу: левая рука удерживала уходящий хвост печати, правая вцепилась в край дубовой столешницы, пока перед глазами кружились серые круги от надвигающегося удушья. Если я оторву ладонь сейчас — разорванный контур убьет и Кова, и меня.

— Восс! — крикнула я сквозь спазм, задыхаясь. — Держи его!

Рейнар стоял в двух шагах от нападающего.

Его серое клеймо на груди — Каменный приговор — при малейшем намерении нанести смертельный удар или переломить кость чужому телу немедленно вонзило бы базальтовые иглы в его сердечный клапан. Он не мог взять саблю. Не мог ударить кулаком в лицо. Любая прямая агрессия была для него мгновенной казнью.

Он и не стал бить.

Вместо этого Восс сделал резкий, рассчитанный шаг в сторону и всем весом своего массивного тела навалился не на человека, а на тяжелый дубовый стеллаж с ведомственными гроссбухами за полтора века.

Старое дерево жалобно затрещало. Рейнар уперся плечом в среднюю стойку и с глухим рыком рванул всю конструкцию на себя.

Двухсотпудовая громада шкафа, груженная сотнями фунтов слежавшейся бумаги, покачнулась и с оглушительным, сокрушительным грохотом рухнула прямо поперек дверного проема.

Нападающий с клинком успел отскочить назад, на лестничную площадку, но второй — с самострелом — оказался прижат рухнувшими полками к дверному косяку. Тяжелые дубовые брусья и центнеры бумажных томов намертво заклинили его ниже пояса, выбив оружие из рук.

— Лестница! — крикнул Рейнар, не глядя на поверженного. Он уже перемахнул через завал и подошвой тяжелого сапога со всей силы врезал по подпорной балке верхнего пролета.

Сухая сосна хрустнула. Верхние ступени просели, осыпая штукатурку и отрезая первому нападающему путь наверх. Оставшийся снаружи убийца выругался — глухо, коротко — понял, что проход заблокирован, и метнулся вниз по лестнице, растворяясь в тумане ночного двора.

Илва уже была у завала. Острие ее сабли уперлось в горло придавленному шкафом стрелку:

— Бросить оружие! Руки за голову!

Человек под обломками не дергался. Он лежал на боку, засыпанный пыльными свитками. Капюшон слетел с его головы, открывая совершенно обычное, рябое лицо сорокалетнего мужчины с белесыми водянистыми глазами. На нем не было орденской мантии — лишь потертая кожаная куртка мелкого городского наемника.

— Кто тебя послал? — процедила Илва, нажимая клинком на кожу под его подбородком до первой капли крови. — Говори, пока я не перебила тебе плечи!

Мужчина посмотрел на нее. В его взгляде не было страха. Там было нечто куда более жуткое — холодная, отрешенная покорность живой детали, выполнившей свой ресурс.

Его губы скривились:

— Он... знает...

— Кто знает?!

Человек не успел ответить.

Под его расстегнутым воротником, прямо на худой шее, вдруг вспыхнула яркая, иссиня-черная искра.

Я знала этот звук. Это был сухой металлический щелчок, отдавшийся коротким эхом в тишине разгромленной комнаты.

Тот самый щелчок перстня.

Черный знак на шее наемника мгновенно втянулся внутрь, словно капля чернил, впитанная сухой промокашкой. Мужчина судорожно распахнул глаза, выгнулся дугой под тяжестью придавившего его шкафа — и замер. Ни хрипа, ни стола. Его зрачки остекленели за полсекунды. Сердце просто остановилось, намертво пережатое дистанционным аварийным сбросом.

Северин не оставлял живых свидетелей. Он вычищал исполнителей так же легко, как зачеркивал строки в испорченных ведомостях.

Илва грязно выругалась, убирая клинок.

Боль в моем теле достигла высшей точки.

— Аделина! — глухой окрик Рейнара донесся словно из-под толщи воды.

Мои пальцы наконец оторвались от шеи архивариуса. Печать сошла полностью. Но цена...

Мое левое предплечье превратилось в сплошной, вздувшийся угольно-черный пласт. Два контура — королевский и архивный — лежали бок о бок, намертво стянув мышцы. Левая рука

повисла безжизненной плетью, от локтя до кончиков ногтей ее колотила крупная, неконтролируемая дрожь. Но страшнее было другое: воздух не шел в легкие. Горло перехватило тугим ледяным жгутом, сердце колотилось с чудовищной частотой, пропуская каждый второй удар.

Я пошатнулась и начала оседать на засыпанный бумагой пол.

Рейнар оказался рядом раньше, чем мои колени коснулись досок.

Он не стал хватать меня за плечи или прижимать к себе. Он упал на одно колено, подставив свое жесткое, обтянутое серой шерстью плечо под мою правую руку, давая мне опору, и осторожно, кончиками пальцев придержал меня за здоровое правое запястье.

— Дышите, — его голос был низким, спокойным, действующим как якорь посреди бури. — Мелко, Аделина. Только верхушками легких. Не пытайтесь взять полный вдох. Контуры спорят за емкость. Дайте им лечь на основание.

Я заставила себя сделать крошечный вдох. Еще один. Озонный холод в горле медленно, неохотно отступал, оставляя на языке горький вкус селитры.

— Ты... сломал шкаф, — с трудом прохрипела я, уткнувшись лбом в его плечо. От него пахло пылью вековых архивов, холодным дождем и чистой шерстью.

— Я не причинил ему телесного вреда, — ровно ответил он. Его дыхание было тяжелым, прерывистым; я чувствовала, как под его курткой серый базальтовый нарост над сердцем глухо гудит от пережитого напряжения, но камень не сдвинулся ни на миллиметр. Контур закона не зафиксировал агрессии. — Я изменил геометрию помещения.

Если бы у меня были силы, я бы усмехнулась этой сухой, издевательской логике бывшего следователя. Но сил не было.

На полу рядом со мной тяжело зашевелился архивариус Ков.

Он сидел, привалившись к ножке стола, и жадно, захлебываясь, глотал пыльный воздух комнаты. Его пальцы дрожали, но шея была чистой — остался лишь воспаленный багровый след на месте входа линий. Он мог говорить. Он был жив.

— Мастер... — прошептал он, и слезы покатались по его серым, небритым щекам. — Господи... я думал, я умру за этим столом...

Илва подошла к мертвому наемнику под шкафом, опустила на корточки и безразлично схватила его за безжизненную кисть.

— Посмотрите сюда, — позвала она.

Мы с Рейнаром повернули головы.

Под черными, обломанными ногтями мертвого нападающего виднелся тонкий, въевшийся в кожу белый порошок. Тот самый. Белая резонансная зола высшей очистки.

— Он работал на производстве, — произнес Рейнар, поднимаясь на ноги и помогая мне опереться о край уцелевшего столика. — Это не уличный наемник. Это рабочий из цеха отливки. Северин использует собственный технический персонал как расходный материал для зачисток.

Леран Ков на полу потянулся к обрывку серой упаковочной бумаги, валявшемуся у его ног. Дрожащими, испачканными в сукровице пальцами он подобрал упавшее перо, макнул его в лужицу лампадного масла и кривыми, ломаными буквами быстро нацарапал три строки.

— Возьмите... — прохрипел он, протягивая лист мне. — Он... он заставил меня выдать архивный дубликат матрицы... Он сказал, если я заговорю, меня убьют... Но я записал, куда ушли телеги с металлом...

Я взяла бумагу здоровой рукой.

На сером листе темнел адрес:

«Нижний обвод, тупик Литейщиков, дом 4. Старая колокольная литейня. Заказ С-7».

Я подняла глаза на Рейнара.

Восс замер.

Его полинялые серые глаза расширились, в них на долю секунды промелькнуло нечто, очень похожее на подлинный шок. Он медленно подошел к столу, взял листок из моих пальцев и вчитался в короткую строчку шифра.

— Что такое С-7? — спросила я, чувствуя, как под кожей моего предплечья пульсируют два чужих узла.

Рейнар медленно поднял голову. В его взгляде больше не было профессиональной отстраненности — осталась лишь тяжелая, леденящая ясность.

— Серия С-7, — произнес он очень тихо. — Это внутренняя маркировка закрытых заказов экспериментального цеха Ордена. Именно под этим шифром двенадцать лет назад отливали первые матрицы моторного перехвата.

Он сделал паузу, и его пальцы сжали край бумаги так, что пергамент хрустнул:

— Эта мастерская не может работать. Двенадцать лет назад Северин лично подписал акт о ее полном уничтожении при пожаре. Он объявил, что все чертежи и оборудование сгорели дотла.

— Похоже, ваш бывший коллега сжег только бумаги для отчета, — жестко подвела итог Илва, пряча саблю в ножны. — Карета внизу. Мы забираем Кова и едем в литейню.

— Нет, капитан, — я с трудом выпрямилась, прижимая покалеченную руку к ребрам. — В литейню мы не едем. Не сейчас.

Илва нахмурилась:

— Почему?

— Потому что у меня на руке два активных государственных контура, — отдельно произнесла я, глядя на темные валики под своей кожей. — И если я не разберу хотя бы один из них в ближайшие два часа, вы повезете в литейню мой труп. Мы возвращаемся в Палату. Срочно.

Глава 7

Две чужие печати на одной руке ощущались так, словно под кожу залили смесь толченого стекла и теплого свинца.

Королевский корень Лиоры пульсировал глубоко, у самой надкостницы, тяжелым, размеренным гулом, от которого в левой половине груди ныло на каждом третьем вдохе. Знак архивариуса Кова, перехваченный впопыхах на верхнем этаже в тупике Семи Колоколов, лежал выше — поверх сухожилий сгибателей. Он был мельче, но злее: тонкие, ядовитые линии стягивали фасции так, что пальцы скрючивались в птичью лапу, стоило мне на мгновение ослабить волю. Рука от запястья до локтя распухла, налилась тугой багровой синевой, и ткань рубашки врезалась в отек, как бечевка в сырое мясо.

— Еще час, мастер Морвей, — бросила Илва, придерживая тяжелую кованую дверь служебного входа в старое крыло Ордена. — Если вы потеряете руку, королю будет нечем прикрывать племянницу.

— Руку я не потеряю, капитан, — отозвалась я сквозь зубы, зажимая предплечье здоровой ладонью. — Но если мы не заземлим знак Кова до заката, у меня лопнет лучевая вена. Шевелитесь.

Старый архив Ордена Королевской Печати располагался в полуподвалах Северного бастиона — заброшенной части цитадели, куда почти не доходил пар от дворцовых котельных. Здесь пахло сырым известняком, мышиным пометом и вековой пылью слежавшегося тряпичного пергамента. Золоченый королевский жетон на шее Илвы открыл нам внешнюю решетку без единого слова досмотрщиков: стража бастиона подчинялась напрямую коменданту Садового крыла и не смела спорить с личным знаком государя.

Однако внутри нас встретила мертвая, гулкая темнота.

Рейнар шел впереди. Его высокая, исхудавшая фигура двигалась между высокими стеллажами без малейших колебаний, хотя в этом крыле он не был десять лет. Он ступал мягко, почти неслышно, рассчитывая каждый шаг по полустертым гранитным плитам пола. Свет масляного фонаря в руках одного из сопровождавших нас гвардейцев выхватывал из мрака бесконечные ряды дубовых коробов с потускневшими латунными ярлыками.

— Сюда, — негромко бросил он, сворачивая в узкий проход между секциями изъятых и закрытых производств. — Двенадцать лет назад дела экспериментального цеха перенесли в восьмую галерею. Нижний ярус, шкафы с черным восковым клеймом.

Мы остановились у массивной деревянной перегородки. В воздухе висел едва уловимый, кисловатый запах свежего клея и сырого уксуса — химикатов, которыми смывают въевшуюся тушь с архивных карточек.

Я подошла к шкафу с вырезанной литерой «С». Правой рукой выдвинула тяжелый ящик. Дерево скользнуло подозрительно гладко — без привычного сопротивления вековой пыли.

Внутри лежали аккуратные связки формуляров.

— Серия С-6, — прочитала я на первой карточке, шурясь от дрожащего пламени фонаря. — Заказ на укрепление печатей гарнизонных казначеев. Серия С-8... контрольные контуры городских ворот.

Я перебрала картонные разделители. Пальцы наткнулись на пустоту.

Между шестым и восьмым номерами зияла ровная щель шириной в два пальца. На дне деревянного желоба лежал чистый, нарезанный по казенному стандарту лист плотной бумаги без единой пометки. Ни номера, ни штампа закрытия, ни подписи куратора.

Рейнар наклонился к ящику. Его лицо в желтом свете лампы казалось высеченным из камня. Длинными пальцами он осторожно, не касаясь чистого листа, провел по внутренним стенкам деревянного паза.

— Бумага положена сюда не больше двух суток назад, — произнес он глухо. — Посмотрите на срез. Волокна еще не потемнели от сырости. Дело С-7 изъяли сразу после того, как у вас на столе оказался первый запертый чиновник.

— Северин чистит хвосты, — процедила Илва, не опуская ладони с эфеса сабли. — Он знал, что расследование придет сюда.

— Он знал, что сюда приду я, — холодно поправил ее Рейнар. — Он помнит, как устроена моя память.

Он выпрямился и медленно повернулся к соседнему стеллажу, где хранились перекрестные ведомости расхода проводящих материалов. Глаза Восса сканировали корешки фолиантов с пугающей, механической точностью.

— Если карточку вынули, они должны были переписать итоговый реестр списания золы, — сказал он, вытягивая толстую книгу в переплете из грубой свиной кожи. — А в таких книгах подчистки оставляют микродеформацию волокна.

Он положил том на край нижнего яруса, раскрыл на странице двенадцатилетней давности и провел ногтем по нижней строке.

Страница была перешита. Тонкая льняная нить в корешке была блее остальных, а в графе примечаний, где раньше значилась уничтоженная партия С-7, стояла короткая, смазанная запись мелким канцелярским почерком:

«Передано на ответственное хранение в спецхранилище О-17».

Мы с Илвой одновременно посмотрели на него.

— Что такое О-17? — спросила капитан.

Рейнар не ответил сразу.

Его полинялые серые глаза на долю секунды остекленели, черты лица стали еще жестче, словно под кожей натянулись стальные струны. Он медленно закрылgrossбух, и звук захлопнувшейся кожи прозвучал в тишине архива как удар хлыста.

— Закрытая исследовательская серия, — произнес он очень ровно. Слишком ровно для человека, чье сердце прикрыто карательным базальтом. — Разработки предельных нагрузок на нервную ткань.

— Ваши разработки? — прищурилась я, чувствуя, как пульсация в моем предплечье становится невыносимой.

— Мои и Северина, — ответил он, глядя мне прямо в переносицу. — До того, как между нами встал суд.

Он не успел договорить.

Где-то под сводами высокого зала раздался сухой, тонкий звон — словно лопнула перетянутая медная проволока. Следом за ним в глубине коридора тяжело, с лязгом упала чугунная решетка, отрезая нас от лестницы к верхним выходам.

Гвардеец у входа вскинул арбалет:

— Капитан! Двери заклинило!

Воздух в архиве мгновенно сгустился, приобретая знакомый металлический привкус перегретой меди и тлеющей извести.

Охранный контур бастиона.

Он спал годами, но сейчас, разбуженный близостью запрещенной магии на моей руке и присутствием человека, чей резонанс десять лет назад был вычеркнут из списков живых мастеров, контур ожил. На притолоке каменной арки вспыхнули тусклые, иссиня-багровые линии старой запирающей печати Ордена. Они поползли по гранитным косякам вниз, намертво связывая створки дверей в сплошной монолит.

— Ловушка? — крикнула Илва, выхватывая саблю.

— Протокол автономной изоляции, — Рейнар даже не повысил голоса, но в его позе появилась предельная собранность зверя перед прыжком. — Бастион распознал нарушителя

без действующего служебного знака. Через три минуты контур подаст тревожный сигнал в караульную службу центральной палаты, а сюда пойдет усыпляющий газ из вентиляционных колодцев.

— Взламывайте замок! — приказала Илва бойцам.

— Железо не возьмет зачарованный гранит, — перебила я ее, чувствуя, как от боли темнеет в глазах.

Моя левая рука горела огнем. Знак Кова, почуяв всплеск охранной магии помещения, взбесился: черные линии на предплечье вспухли, поползли вверх, к локтевому сгибу, стремясь замкнуться на королевский корень. Если они соединятся прямо во мне, встречная волна выжжет мне нервные сплетения до самой шеи.

— Нам нужно сбросить знак Кова в охранный замок, — тяжело дыша, произнесла я. — Использовать его энергию как противовес, чтобы сорвать запорную дугу.

— Вы не сможете сделать обратный штрих, мастер Морвей, — Восс стоял рядом. Его взгляд впился в мои побелевшие, скрюченные пальцы. — Точность вашей левой руки сейчас — меньше половины вершка. Вы ошибетесь на десятую долю линии, и контур замка ударит в обратную сторону. Вы потеряете кисть.

— Тогда подсказывайте траекторию! — рывкнула я, сдергивая повязку зубами.

— Глазами вы не удержите микрорезонанс, — он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. — Мне нужно вести вашу руку. Физически. Пальцы в пальцы.

Илва шагнула к нему, острое ее клинка опустилось к его груди:

— Восс, назад!

— Капитан, отойдите к дверям! — крикнула я, перебивая ее приказ.

Времени не оставалось: из вентиляционных решеток под потолком уже потянуло горьким, сладковатым дымом сонного порошка.

Я повернулась к заключенному. Мое сердце колотилось у самого горла, но разум оставался холодным и ясным.

— Условия, — выдохнула я, глядя ему в глаза. — Только правое предплечье. Ты держишь мою кисть и направляешь стило. Никакого вмешательства в мои внутренние узлы. Ведение руки — строго на три вершка, только обратный штрих запорной клеммы. Слово остановки — «разомкни». Ты понял меня, Рейнар?

Я назвала его по имени.

В его полинялых глазах на мгновение что-то дрогнуло — глухое, глубокое понимание перемены, — но черты лица остались строгими.

— Понял, мастер Морвей, — отозвался он низким, хриплым голосом. — Только ведение кисти. Только обратный штрих.

— Начинай.

Я достала из поясного кармана тонкий серебряный стило с медным наконечником и вложила его в свои онемевшие левые пальцы. Рука ходила ходуном, сухожилия дрожали мелкой, предательской судорогой.

Рейнар подошел вплотную.

Его широкая ладонь легла поверх моей кисти. Кожа у него была сухой, шершавой, пахнувшей старым камнем и железом, но пальцы оказались поразительно теплыми и неподвижными, как стальные тиски. Он не сжимал мою руку до боли — он просто стал моим внешним суставом, внешней опорой, убрав тремор за долю секунды.

— Дышите ровнее, — произнес он прямо над моим ухом. — Направляйте силу на кончик стила. Геометрию я беру на себя.

Мы приблизились к запертой каменной плите. Багровые линии охранного знака на косяке пульсировали бешеным жаром.

Я прижала острое стила к узловой точке замка.

По металлу побежал электрический холод. Знак архивариуса Кова на моем предплечье взвыл, вытягиваясь наружу по серебряному стержню. Рейнар мягко, с ювелирной точностью повел мою кисть влево, описывая дугу обратного хода — сложный, вывернутый полукруг, рас-секающий охранное плетение Ордена.

Линия легла идеально. Багровое сияние замка начало блекнуть, втягивая в себя темную силу архивного клейма.

И в этот момент охранный контур огрызнулся.

Почувствовав чужой взлом, древняя магия бастиона попыталась расширить контакт. Багровые нити плетения метнулись от камня не в стило — они поползли по моим пальцам вверх, стремясь пробить нервный мост между мной и Рейнаром, превратить наше соединение в открытый проводник для обратного удара.

Я почувствовала, как чужая, давящая тяга вгрызается в основание моего запястья, пыта-ясь углубить захват, протащить силу дальше согласованной границы, к его ладони.

Еще полсекунды — и нас обоих замкнет в смертельную дугу.

— Разомкни! — крикнула я во весь голос.

Он убрал руки мгновенно.

Ни доли секунды колебания. Ни попытки удержать контакт, чтобы «завершить дугу» или спасти нас от срыва. На том самом слогe, на звуке «ни», его пальцы оторвались от моей кожи с такой резкостью, словно между нами упал железный занавес. Он отшатнулся на целый шаг назад, подняв раскрытые ладони на уровень груди, полностью разрывая связь.

Но линия осталась недописанной на четверть вершка.

Остаточный заряд знака Кова, лишенный его внешней стабилизации, взорвался прямо на кончике моего стила.

Белая, ослепительная искра ударила мне в кисть. Запахло паленой шерстью и паленым мясом — резкая, жгучая вспышка ожога полоснула по тыльной стороне моего запястья. Боль была такой свирепой, что я едва не выронила инструмент, но стиснула челюсти и здоровой правой рукой перехватила свою покалеченную левую кисть, силой вбивая серебряное острие в финальную точку замка.

Сухой щелчок лопнувшего гранита разорвал тишину.

Багровые линии на косяке рассыпались серым пеплом. Знак Кова окончательно сошел с моего предплечья, оставив после себя свежий, пузырящийся ожог на коже, но тяжелый мотор-ный паралич, терзавший мои мышцы последние два часа, отпустил.

Сухожилия расслабились. Воздух со свистом хлынул в мои легкие.

Тяжелая плита двери дрогнула, петли взвизгнули, и проход наверх приоткрылся на ширину плеч, впуская струю холодного уличного сквозняка.

Я привалилась спиной к дверному косяку, тяжело дыша и баюкая обожженную руку.

Кожа над лучевой костью дымилась, покрываясь белыми волдырями, но рука слушалась. Пальцы разжались. Во мне оставался только один узел — королевский корень Лиоры, спавший в глубине предплечья. Мы сбросили вторую печать.

Рейнар стоял в трех шагах от меня. Он тяжело переводил дыхание, его исхудавшая грудь высоко вздымалась, а серая каменная корка над сердцем глухо гудела от остаточного резонанса. Но в его взгляде не было вины или страха — только тяжелое, спокойное ожидание.

Ожог на моём запястье был у него перед глазами; договор он выполнил до единой буквы.

— Вы целы, мастер? — негромко спросил он.

Я вытерла холодный пот со лба здоровым рукавом, глядя на свою обожженную кисть:

— Бывало и хуже. Вы отпустили вовремя.

— Вы сказали слово, — просто ответил он.

— Уходим, — скомандовала Илва, протискиваясь в щель приоткрытой двери с обнажен-ной саблей. — Сонный порошок усиливается.

Мы выскочили на узкую каменную лестницу, ведущую в служебный двор бастиона. Гвардейцы вынесли дорожный мешок, и через полминуты мы уже захлопнули за собой чугунную калитку, выходящую на мощеную набережную.

Сырой вечер встретил нас липкой сыростью и запахом речной тины. Фонари на парапете едва пробивали сизый туман.

Но на набережной нас уже ждали.

Прямо напротив ворот бастиона стояла закрытая черная карета с серебряными гербами Ордена Королевской Печати на дверцах. Четверо орденских стражей в белых плащах поверх кольчуг держали факелы под круглыми жестяными колпаками, защищавшими огонь от мороси.

При нашем появлении дверца кареты распахнулась.

На мокрый булыжник ступил человек в безупречной мантии старшего секретаря Ордена — молодой, холеный, с гладким бледным лицом и золотой цепью канцелярии на шее.

Гвардейцы Илвы мгновенно взяли арбалеты на изготовку, но капитан жестом остановила их, делая шаг вперед:

— Секретарь Мосс. Что гвардия Ордена делает у закрытого бастиона?

Молодой чиновник даже не взглянул на оружие. Его тонкие губы изогнулись в вежливой, безукоризненно выверенной улыбке, в которой не было ни капли тепла. Его взгляд скользнул по моей перевязанной руке, равнодушно мазнул по лицу Илвы и остановился на высокой, сутулой фигуре Восса.

— Добрый вечер, капитан Рен. Мастер Морвей, — голос секретаря звучал мягко, с той бархатной, усыпляющей вежливостью, которая обычно предшествует королевскому аресту. — Срабатывание охранного контура старого бастиона фиксируется в центральной канцелярии автоматически. Мы обеспокоены тем, что столь уважаемые лица вынуждены спускаться в аварийные хранилища посреди сырого вечера.

Он сделал паузу, достал из широкого рукава мантии сложенный вчетверо лист пергамента с тяжелой восковой печатью цвета спелой вишни и протянул его мне:

— Его высокопреосвященство магистр Северин Кальд свидетельствует вам свое глубочайшее почтение. Ордену стало известно, что Палата Размыкателей столкнулась с рядом нестандартных поражений нервной ткани среди государственных служащих.

Секретарь снова улыбнулся — чуть шире, обнажая ровные белые зубы:

— Магистр предлагает объединить усилия. Он приглашает мастера Морвей, вас, капитан, и вашего... консультанта в центральную палату Ордена завтра в полдень. Для официального консилиума и передачи всех имеющихся материалов расследования под юрисдикцию Коронного надзора.

Слова повисли в холодном тумане, тяжелые и ядовитые, как капли ртути.

Это не было приглашением. Это был ультиматум.

Охранный контур бастиона передал сигнал наверх, и Северин теперь точно знал, где мы были и кого именно мы вывели из-под земли. Если мы откажемся прийти — к утру королевский указ о тайном расследовании будет перечеркнут обвинением в незаконном проникновении в государственные архивы и укрывательстве беглого преступника.

— Передайте магистру, — ровным, безразличным тоном произнесла я, пряча обожженную руку в карман жакета, — что Палата Размыкателей всегда готова к сотрудничеству на законных основаниях. Мы будем к полудню.

Секретарь склонил голову в изящном полупоклоне, повернулся и легко взбежал по ступенькам в карету. Дверца захлопнулась, кучер хлестнул лошадей, и экипаж растворился в сырой темноте набережной.

Я медленно опустила взгляд на свое запястье.

Под свежей льняной повязкой пульсировал ожог от разорванного контакта. В кармане плаща лежал кусок пергамента с нацарапанным шифром спецхранилища: О-17. А в глубине

моих собственных тканей, словно живое часовое колесо, глухо отсчитывал время королевский корень.

До полудня оставалось меньше шестнадцати часов. И завтра нам предстояло войти в логово человека, который создал эту паутину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.